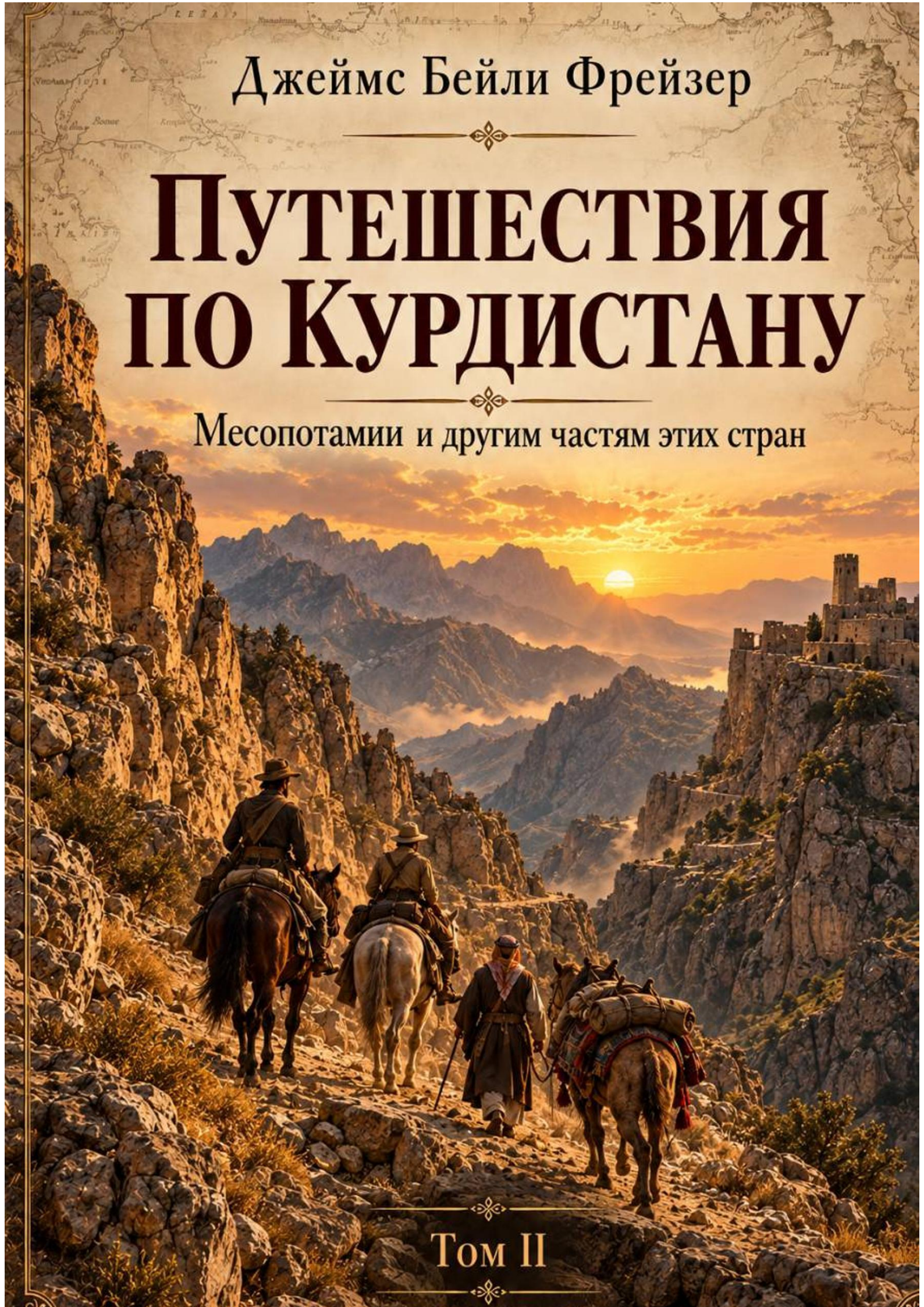

Джеймс Бейли Фрейзер

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КУРДИСТАНУ

Месопотамии и другим частям этих стран

Том II

Дж. Бейли Фрейзер

**Путешествия по
Курдистану, Месопотамии
и другим странам. Том II**

«Автор»

2026

Фрейзер Д.

Путешествия по Курдистану, Месопотамии и другим странам. Том
II / Д. Фрейзер — «Автор», 2026

Во втором томе «Путешествий по Курдистану и Месопотамии» британский путешественник Джеймс Бейлли Фрейзер продолжает своё странствие по Ближнему Востоку в 1834–1835 годах. Из Багдада он отправляется к развалинам древнего Вавилона, исследует руины Ктесифона и легендарную Вавилонскую башню, пересекает пустыни и болота Месопотамии, знакомится с бытом, обычаями и нравами арабских племён. Его путь сопровождают опасные переправы, встречи с разбойниками, суровые погодные испытания и конфликты с местными властями. Вернувшись в Персию, Фрейзер становится свидетелем политических перемен после смерти шаха Фетх-Али и описывает борьбу за престол, придворные интриги и положение страны. Затем путешественник направляется через заснеженные горы Армении и Анатолии в Константинополь, откуда возвращается в Европу. Автор заметок Дж. Бейли Фрейзер, Автор перевода Д.В. Ткаченко. 2026 г. Москва Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

© Фрейзер Д., 2026

© Автор, 2026

Дж. Бейли Фрейзер

Путешествия по Курдистану, Месопотамии и другим странам. Том II

ПУТЕШЕСТВИЯ

ПО КУРДИСТАНУ, МЕСОПОТАМИИ И ДРУГИМ СТРАНАМ,

включающие описание некоторых областей этих стран, до сих пор не посещавшихся европейцами,

с очерками характера и нравов курдских и арабских племён.

ДЖ. БЕЙЛЛИ ФРЕЙЗЕР, эсквайр,

автор «Кызылбаша», «Зимнего путешествия в Персию» и других сочинений.

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ II

ЛОНДОН:

РИЧАРД БЕНТЛИ, НЬЮ-БЁРЛИНГТОН-СТРИТ,

штатный издатель Её Величества.

1840.

ЛОНДОН:

Отпечатано у Сэмюэла Бентли,

Бангор-хаус, ШУ-ЛЕЙН.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

ПИСЬМО I

Отъезд из Багдада. — Селевкия. — Ктесифон. — Арабские шейхи. — Так-и-Кисра. — Пересечение Джебзир по пути в Махавиль. — Древние поселения. — Блуждания во мраке. — Главные развалины Вавилона. — Муджеллибе. — Вид с её вершины. — Эль-Каср. — Холм Амран. — Хилла. — Евфрат. — Впечатления дня. — Арабский друг. — Слуги-паломники. Страница 1.

ПИСЬМО II

Бирс-и-Нимруд. — Размышления о причинах его разрушения. — Вид с вершины. — Предположения о его происхождении, назначении и тождестве с Вавилонской башней. — Бурсиф, или Борсиппа. — Неприятный сюрприз. — Дерзкие солдаты. — Друг, пришедший на помощь, и холодный ужин. — Древности различных эпох. Страница 20.

ПИСЬМО III

Новогоднее пожелание. — Отъезд из Хиллы. — Противоположность между турецким губернатором и нашим арабским хозяином. — Возвращение паломников. — Способ обработки земли. — Эль-Хеймер. — Арабы-феллахи. — Унылая поездка. — Холодная новогодняя ночь. — Голод и жажда. — Горящее болото. — Необычная погоня. — Лагерь зубейдов. — Шейх. — Соблазнительное предложение. — Холодный ночлег. — Исхурия. — Пир арабского шейха. — Расходы на гостеприимство. Страница 33.

ПИСЬМО IV

Докучливые проводники. — Путь по пустыне и бивуак. — Тревога. — Проявление арабского мужества. — Ещё более опасное происшествие и providенциальное избавление. — Второй бивуак. — Скучное питание. — Дружеская встреча. — Хитрость. — Неохотное гостеприимство. — Арабская честность. — Угроза потасовки. — Бени-Рикаб. — Новые попытки воровства. — Первобытное земледелие. — Арабы-маданы. — Их нравы и жилища. — Новые древние поселения. — Серьёзное препятствие. — Способ переправы через глубокий ручей. — Ещё одна ночь у маданов. — Переправа через Евфрат. — Ум-Гайер, любопытная развалина. —

Первый лагерь мунтафиков. — Происхождение и нынешнее положение мунтафиков. — Первый вид лагеря мунтафиков. — Отсутствие шейха. — Его занятие. Страница 58.

ПИСЬМО V

Сук-эш-Шуюх. — Его базары. — Трудности с поиском жилья. — Местная торговля. — Персидский друг. — Способ кормить гостей бесплатно. — Торговля и её последствия. — Любопытный характер. — Вымогательство. — Шатёр шейха. — Собрание и внешний вид присутствующих. — Его беседа и кофе. — Оставляет нас в затруднительном положении. — Мы теряем спутника. — Красоты Сук-эш-Шуюха. — Следуем за шейхом в Кут. — Размышления о пути домой. — Чего стоит обещание шейха. — Вторая встреча с его высочеством. — Происшествия во время неё. — Дар шейха. — Начало обратного пути. — Двоюродный брат шейха. — Что стало с дарами его высочества. Страница 105.

ПИСЬМО VI

Повторная переправа через Евфрат. — Пример притеснения. — Сунхера. — Ворха. — Арабы-марашедие. — Характерная трапеза. — Бессонная ночь. — Тиль-Эйде. — Обширные холмы и древние следы. — Гуттубе. — Лагерь арабов-тогия. — Древние поселения. — Бивуак. — Сильный холод. — Не находим лагерь шейха зубейдов и попадаем в лагерь шаммаров. — Дурное поведение проводников и вымогательство хозяев. — Вынуждены вернуться на юг, в лагерь шейха. — Печальное смятение и нужда там. — Новые затруднения с проводниками. — Прибытие в Шамли. — Зиблие. — Простодушие муллы Али. — Подвижные песчаные холмы. — Путь к Махавилу. — Прибытие в Багдад. Страница 135.

ПИСЬМО VII

Известия из Персии по прибытии в Багдад. — Положение этой страны. — Экспедиция к Агер-Куфу, его высота и строение. — Несчастный случай. — Приготовления к возвращению домой. Страница 160.

ПИСЬМО VIII

Отъезд из Багдада. — Караван-сарай Чоле. — Переправа через Диялу. — Дерзкий вор получает хорошую взбучку. — Бакуба. — Предполагаемое местонахождение Дастагирда. — Неистовая буря. — Шехреван. — Ханакин. — Каср-и-Ширин. — Разбойники-илияты. — Арабы-маданы близ Зохаба. — Пуле-Зохаб. — Перевал и город Керенд. — Харунабад. — Прибытие в Керманшах. — Визирь. — Сулейман-хан Гуран, его дом, дворец и принц. Страница 166.

ПИСЬМО IX

Неудобства персидских городов во время дождя или снегопада. — Отъезд из Керманшаха. — Бисутун и его древности. — Неудобное гостеприимство. — Сбиваемся с дороги. — Снег и лёд. — Угроза голодной смерти предотвращена решительной мерой. — Храм Дианы в Кенгавере. — Сейедабад. — Холодное жильё. — Тревожные предчувствия. — Перевал Сейедабад. — Неловкая встреча. — Вторая стычка. — Сейиды и хаджи. — Прибытие в Хамадан. — Неуютный караван-сарай. — Расставание со слугами. — Посещение гробницы Эсфири в Хамадане. Страница 195.

ПИСЬМО X

Отъезд из Хамадана. — Бибикабад. — Замёрзшая трясина. — Снежные пустоши. — Гаугемнар. — Больные глаза. — Курейсы. — Шемерин. — Два его начальника. — Секрет сохранения тепла. — Трудный горный переход и спуск на равнины. — Приятный вид знакомых предметов и прибытие в Ассиабег. Страница 224.

ПИСЬМО XII

Робат-и-Керим. — Прибытие в Тегеран. — Благополучное окончание моего путешествия. — Вид столицы при новом правителе. — Посещение сипехсалара и графа Симонича. — Члены русской миссии. Страница 238.

ПИСЬМО XIII

Некоторые подробности кончины покойного шаха и восшествия на престол молодого государя Мохаммед-шаха. — Поездка покойного царя в Исфахан. — Причины путешествия. — Его ход. — Смерть шаха. — Фирман-Фирма принимает знаки царской власти. — Весть о кончине шаха достигает Тебриза. — Крайние трудности, с которыми британский посланник пытался побудить принца и каймакама к действию. — Огромные усилия посланника и британских офицеров. — Необычайное поведение персидских властей. — Выступление армии, авангард под командованием сэра Г. Б. Линдсея. — Армия, посланная Зиль-эс-Султаном воспрепятствовать продвижению принца, распускается и присоединяется к его силам. — Его королевское высочество прибывает в Тегеран и коронуется там. — После долгой задержки посланы войска для подчинения юга Персии. — Подчинение царя власти его министра. Страница 246.

ПИСЬМО XIV

Хаким-баши. — Посещение министра. — Мирза Али. — Каймакам. — Многообещающее совещание внезапно прерывается. — Ещё одна встреча. — Упорный и хитрый спорщик. — Диететика. — Странная трапеза и неудовлетворительная беседа. — Аудиенция у его величества. — Последний визит к каймакаму и необычное место приёма. — Сильная доза правды. — Вести с родины. — Размышления. — Хаджи-Ага. — Персидский завтрак. — Русский завтрак. — Исфахан взят сэром Г. Б. Линдсеем, а войско Фирман-Фирмы разбито близ Максуд-Бегги. — Упорное своеобразие каймакама. — Его характер. — Ответственность Англии перед Персией. — Шах и костоправы. — Новости из Хорасана. Страница 263.

ПИСЬМО XV

Отъезд из Тегерана. — Чапар. — Чапарджи и их лошади. — Сулеймание. — Мохаммедабад. — Сбиваемся с пути. — Кумри. — Казвин. — Трудности продолжения пути. — Абхар. — Чрезвычайный холод. — Умиравший верблюд. — Султанье. — Зенджан. — Хаким Армагана. — Ахенд. — Кафлан-Кух. — Миане. — Тяжёлый переход в Туркманчай. — Уджан. — Тебриз. — Новый маршрут. — Эмир-и-Низам. — Хаким Хоя. — Неискренняя любезность. — Утомительный переход. — Уютное пристанище в Кара-Зиязине. — Граница Армении. — Медленное продвижение. — Маку. — Али-хан. — Мучительная ночная поездка. — Курдыджелали. — Баязид. — Диадин. — Кара-Килиса. — Топрак-Кале. — Сейди-хан. — Вынужденная задержка из-за бури. — Трудная борьба на перевале Дели. — Ледяной ветер. — Хасан-Кале. — Последнее испытание. — Эрзерум. Страница 295.

ПИСЬМО XVI

Приготовления. — Меры против воров. — Неудачное начало пути. — Ашкале. — Ирах. — Старая стоянка. — Курды. — Снова снег. — Эльма-Даг. — Чифтлик. — Ширани. — Знакомые пейзажи. — Галопом в Кара-Хисар. — Тревожный переход в Куле-Хисар. — Разочарование и задержка. — Холодная погода. — Обжарка кофе. — Интересные виды. — Никсар. — Токат. — Турхал. — Затруднительное положение. — Сонливость. — Амасья. — Мерзифон. — Дреклер-Даг. — Езда во тьме. — Сурмас-и-Кия. — Хаджи-Хамза. — Успешный протест. — Тосья. — Ходжа-Хисар. — Караджуран. — Караджилар. — Час отдыха. — Хумамлу. — Мучительная ночная поездка. — Геризе. — Болу, его равнины и перевал. — Дюздже. — Трудный переход в Хендек. — Поездка под дождём в Сапанджу. — Измит. — Смена транспорта. — Вмешательство таможи. — Трясая езда. — Прибытие в Константинополь. Страница 344.

ПИСЬМО XVII

Тревоги путешественника. — Интересные встречи. — Терапия. — Величественный платан. — Босфор. — Константинополь. — Мечети. — Цистерны. — Башня сераскера. — Сумасшедший дом. — Ипподром. — Сераль. — Акведуки. — Эт-Мейдан. — Танцующие дервиши. — Поступь благоустройства. — Постепенные изменения, затрагивающие даже женщин. — Турция и Польша. — Размышления. Страница 387.

ПИСЬМО XVIII

Отъезд из Константинополя. — Силиврия. — Дождь и грязь. — Чорлу. — Бургас. — Эски-Баба. — Апса. — Адрианополь. — Ливень. — Ибепче. — Херманли. — Болгарские сенокосцы. — Простой бивуак. — Эскев. — Филиппополь. — Быстрая скачка. — Непреодолимая сонливость. — Ихтиман. — София. — Тяжёлая езда. — Болгарский костюм. — Халхали. — Дороговизна почтовых лошадей. — Ак-Паланка. — Падение. — Последний Балкан. — Разбойники. — Башня из черепов. — Ниш. — Сербская граница. — Соловьи. — Расторопный сураджи. — Задержка в Ягодине. — Предотвращённая уловка. — Утомительная поездка. — Беззаботный путешественник. — Сербское угощение и музыка. — Предостережение путешественникам. — Прощание с турецкой почтовой ездой. — Отдых. Страница 409.

ПИСЬМО XIX

Австрийские караульни. — Вступление в чистилище. — Сопутствующие церемонии. — Жильё. — Устройство. — День в карантине. — Описание лазарета. — Церемонии и приготовления при выезде. — Ужин. — Национальные блюда и игры. — Прибытие курьера. — Выезд из Землина. — Плохие дороги и лошади. — Карловиц. — Петервардейн. — Вдоль правого берега Дуная. — Славонские пейзажи. — Эссек, её столица. — Фюнфкирхен. — Почтовые лошади, предоставляемые землевладельцами. — Велика-Канижа. — Штайн-ам-Ангер. — Гюнс. — Ольденбург. — Прибытие в Вену. — Приготовления. — Отъезд из Вены. — Быстрый путь через Франкфурт и Брюссель домой. Страница 448.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КУРДИСТАНУ И МЕСОПОТАМИИ

ПИСЬМО I

Отъезд из Багдада. — Селевкия. — Ктесифон. — Арабские шейхи. — Так-и-Кисра. — Пересечение Джезиры по пути в Махавиль. — Древние поселения. — Блуждания во мраке. — Главные развалины Вавилона. — Муджеллибе. — Вид с её вершины. — Эль-Каср. — Холм Амран. — Хилла. — Евфрат. — Впечатления дня. — Арабский друг. — Слуги-паломники.

Хилла, или Старый Вавилон, 28 декабря.

Итак, дорогой мой _____, мы снова в пути, слава небесам! — и движемся по намеченному маршруту. Двадцать второго числа всё было готово; но нас задержал главным образом сильный южный ветер, поднявший на реке такое волнение, что пришлось, как и всегда в подобных случаях, разомкнуть мост из ветхих лодок, чтобы они не затонули и всё сооружение не погибло. Мы пытались переправить лошадей в гуффах, но они не желали и смотреть на эти неуклюжие суда, так что нам поневоле пришлось мириться с задержкой. Двадцать третьего наше терпение подверглось такому же испытанию: ветер разыгрался в настоящую бурю, и нам оставалось только довольствоваться удобным приютом у полковника Тейлора.

Двадцать четвёртого, когда мост вновь соединили, наши лошади и багаж смогли переправиться, и, выехав из города через Хилльские ворота в девять часов утра, мы направились к развалинам Селевкии и Ктесифона. В целом мы составляли довольно внушительную кавалькаду; вместе с мистером Финлеем, доктором Россом, слугами и арабом-проводником нас насчитывалось не менее пятнадцати человек. Этот проводник, которого предоставил шейх зубейдов, — высокий, тощий, костлявый чернокожий человек с толстыми губами, большими выдающимися зубами и выпуклыми белками глаз; он чрезвычайно серьёзен, на вид глуповат и к тому же молчалив, если не считать случаев, когда совершенно ни с того ни с сего, без всякого видимого повода, он вдруг раздражается громоподобным, донельзя диковинным песнопением! Утро было туманным; но когда через несколько часов туман рассеялся, после долгого заточения в Багдаде было восхитительно вновь очутиться на просторе, пусть даже пустыни: пустыней эту местность можно назвать постольку, поскольку она не носила никаких следов человеческой деятельности, но почва годилась для чего угодно; словом, то была жирная наносная земля Месопотамии, некогда сада мира, а ныне рождающая лишь кустарник одного из видов карликовой акации (*mimosa agrestis*? — семена которой называют хлебом святого Иоанна), каперсы и некоторые солончаковые травы. Единственное разнообразие в нашу поездку внесло пересечение русла

старинного, теперь высохшего канала; и через пять с половиной часов мы уже въезжали в пределы древней Селевкии, часть стен которой сохранилась до сих пор и достигает весьма значительной высоты.

Два города, Ктесифон (или Эль-Мадаин) и Селевкия, были построены на противоположных берегах реки, друг против друга, хотя расцвет их пришёлся на разные времена. От последнего остались только земляные валы большой стены, которая, собственно, охватывала оба берега и ограждала огромное пространство, усеянное множеством других холмов различных размеров; но все они одинаково свидетельствуют о том, что некогда здесь обитали люди: повсюду во множестве разбросаны обломки кирпича, черепки глиняной посуды, битое стекло и тому подобные остатки. Путешественник, который лишь проезжает мимо и не может уделить времени исследованию подобных развалин с учёностью и терпеливой настойчивостью антиквара, извлечёт из их осмотра немного, помимо возможности сказать, что он их видел и действительно побывал в таком-то месте, испытав чувства, которые должны пробуждать подобные свидетельства несомненной древности, — однако же это кое-что, и притом кое-что, ради чего стоит потрудиться.

Развалины, или, вернее, единственная развалина Ктесифона (ибо от этого некогда богатого и славного города сохранился лишь один памятник), способны вызвать совсем иные чувства; ведь никто не может взглянуть на Так-и-Кисру, не испытав сильнейшего впечатления от исполинского величия здания, частью которого она должна была являться, и грандиозности замыслов монарха, её воздвигшего. Я не знаю ни одного восточного дворца с подобным фасадом или, если предположить, что это были всего лишь ворота, с подобным входом. Али-Капу в Исфахане или ворота дворца в Дели, сами по себе великолепные сооружения, кажутся ничтожными рядом с Так-и-Кисрой; ибо какой из них может похвастаться арочным пролётом более ста футов высотой?

Мы, однако, посетили этот великолепный памятник лишь на следующее утро, когда, не без трудностей и ухищрений, добыли гуффу для переправы через реку. Утро было тёмным, и солнце поднялось в облаках оранжевого и кроваво-красного цвета как раз за Таким, отчего его очертания резко выступили на фоне нарастающего света. Зрелище производило необыкновенно сильное впечатление. Вокруг, среди многочисленных беспорядочно расположенных холмов, мы обнаружили целый лагерь арабских шатров; но шейх племени, самый отъявленный головорез, злодей с угрожающей внешностью, чей огромный красно-бурый нос нарушал девятую заповедь, если только его хозяин не предавался в изобилии запретным возлияниям, вышел нас приветствовать, и всё уладилось. Однако другой молодец того же сорта прискакал во весь опор с шестью или восемью оборванцами, желая узнать, кто мы такие; выслушав ответ, он обратился к шейху со словами: «Счастье этих людей, что они с тобой, ибо в противном случае, клянусь Аллахом, я раздел бы их догола!» — и, одному Богу известно, он выглядел именно так, будто всей душой желал исполнить эту угрозу, если бы только решился. Но один из наших спутников рассмеялся над ним и сказал: «Пожалуй, для тебя самого лучше, что ты не попытался; посмотри сюда и подумай, из тех ли мы людей, которых можно безнаказанно грабить»; при этом он показал ему моё двуствольное ружьё с капсюльным замком и пару двуствольных пистолетов — зрелище, явно подействовавшее на его храбрость и столь же явно умножившее его почтение. Особенно внимательно он осмотрел ружьё и, возвращая его, с горечью произнёс: «О, да падёт проклятие Божие на ружьё, которое стреляет без кремня и огня!» Тем не менее он проводил нас до берега и продолжал крутиться поблизости, пока мы не переправились.

Я не стану здесь предпринимать обстоятельного описания Така, а скажу только, что он представляет собой фасад длиной более трёхсот футов, в котором находится арка высотой сто шесть футов, ведущая в зал, должно быть, один из самых величественных в мире; остальная часть фасада по обе стороны украшена четырьмя ярусами пилястр и маленькими арками, напоминающими окна. Вот почти всё, что осталось от здания, и даже эта часть, хотя и сложена из

превосходнейшего кирпича, настолько пострадала от времени, что о виде и характере сооружения в его первоначальной целостности мы можем только догадываться. Вокруг него располагается множество холмов, и вся окрестная местность на большом протяжении повсюду обнаруживает следы древних поселений в изобилующих здесь обломках кирпича, стекла, глиняной и фарфоровой посуды и прочего. Пока мы осматривались, подошёл араб и предложил нам купить цилиндр из горного хрусталя и разные древние предметы, которые он подобрал неподалёку от того места, где мы стояли: монеты, резные камни, медные изображения и подобные вещи часто находят кочующие арабы или пастухи, пасущие здесь свои стада. Я сделал два рисунка этой замечательной развалины, которая, к моему сожалению, быстро разрушается под воздействием как людей, так и непогоды, и покинул её, проведя несколько часов в созерцании и восхищении; но, к несчастью, время нас поджимало, ибо мы хотели до наступления ночи добраться до хана, или караван-сарая, именуемого Махавиль, — поэтому, переправившись обратно, мы поспешно позавтракали и уже в половине первого пополудни сидели верхом.

Пока было светло, эта поездка по меньшей мере убедила нас, насколько густо была населена здешняя земля в старину; ведь едва ли мы проехали хоть одну милю, не пересекши места, где некогда стоял город, городок или деревня. Иногда мы видели целые пространства, покрытые кирпичными обломками, черепками и стеклом; и примечательно, что все эти места совершенно лишены растительности, так что даже без обломков можно было бы определить, когда мы проезжали через одно из них. Многочисленны были и холмы, сложенные из тех же материалов; однако невысокие и совершенно бесформенные. Видневшиеся в их обрывах части погребальных сосудов и гробов показывали, что здесь покоятся останки умерших. Мы также пересекли множество старых каналов, ныне высохших и бесполезных; словом, никто, хоть немного знакомый с такими предметами, не мог бы усомниться, глядя на столь густо рассеянные по нашему дневному пути следы прошлого, что либо здесь некогда процветал какой-то необъятный город, либо, что гораздо вероятнее, вся страна от Селевкии до Вавилона была когда-то покрыта жилищами людей — городами, городками и селениями всех возможных видов и форм.

Уже больше часа до заката мы замечали в пустыне множество верблюжьих стад, которые вместе с погонщиками, казалось, направлялись в одно место; и незадолго до исчезновения солнца, поднявшись на один из тилей — так арабы называют холмы на месте древних поселений, — чтобы оглядеться до наступления темноты, мы обнаружили перед собой первый виденный мною обширный арабский лагерь. Он раскинулся вправо и влево на равнине под нами настолько далеко, насколько хватало глаз, — беспорядочная масса палаток, людей и животных, причём последние всё ещё стекались к нему со всех сторон; никогда прежде я не видел столько верблюдов вместе; я убеждён, что их насчитывались сотни тысяч, не считая прочего скота и палаток на четыре или пять тысяч человек; они буквально чернили землю. Это были арабы-джербоа, которые, вытесненные к югу анейза, спустились на верхние пастбища зубейдов и рыскали здесь в поисках корма, пока собственная их страна не освободится от неприятеля: зрелище было весьма живописное и интересное.

Наступила ночь, и хруст черепков под копытами лошадей говорил нам, что мы по-прежнему топчем места, где некогда стояли человеческие жилища; но ночь становилась всё темнее и облачнее, а поскольку без звёзд, компаса, каких-либо ориентиров и даже малейшей тропинки, указывающей путь, и араб неизбежно ошибётся, естественным следствием было то, что мы сбились с дороги и несколько часов бродили в холоде и темноте, спотыкаясь на изрытой земле, проваливаясь в высохшие каналы и взбираясь на холмы, пока наконец не сочли нужным собрать военный совет, на котором наш проводник с изумлением уставился на нас, обнаружив, что уже довольно давно вёл нас почти на север вместо юга. Теперь мы взяли дело в собственные руки и, зная направление дороги на Хиллу, держались его настолько верно, что один из наших погонщиков мулов узнал местность всего в двухстах ярдах от хана, или караван-сарая,

Насирие, куда мы тотчас и отправились, усталые, продрогшие и голодные. Но на этом наши неприятности не закончились; нам лишь с большим трудом и после настоящей ссоры удалось получить ночлег, да и тогда мы рисковали лечь спать без ужина из-за раздора между моими слугами, среди которых словно бросили яблоко раздора и которых пришлось хорошенько проучить, прежде чем удалось восстановить порядок.

Сидя так без всякого удобства, в холоде, и имея едва горсть сухих сорняков, чтобы развести пламя и согреться, мы, как вы легко можете себе представить, невольно вспоминали весёлые развлечения этой праздничной поры на нашей милой родине и круг дорогих людей, которые, быть может, теперь собираются возле домашних очагов, несомненно думая об отсутствующих путешественниках. Каково-то им сейчас? При всех случайностях изменчивого мира какие утраты могли уже понести эти семейные кружки с тех пор, как мы с ними простились: мысль эта была тревожная, и путешественнику не следует слишком долго на ней задерживаться; поэтому мы ободряли себя как могли, проглотили наш скудный ужин, едва угрюмые слуги соизволили его подать, и растянулись на коврах, чтобы провести ночь во сне.

На следующее утро, двадцать шестого, после более правильного военно-полевого суда над моими слугами, сопровождавшегося вполне заслуженными наказаниями и пространным наставлением всем насчёт мира и единодушия, которое, не сомневаюсь, разделило обычную участь подобных проповедей, мы покинули хан и двинулись к развалинам могущественного Вавилона. Мы находились уже внутри пространства, которое приписывают его стенам, и следы холмов и обломков вскоре начали встречаться всё чаще. Спустя некоторое время перед нами поднялась огромная громада Муджеллибе, возвышавшаяся над промежуточными насыпями нескольких высохших каналов. Эта развалина — одна из главных реликвий, которые, как полагают, принадлежат древнему Вавилону; но прежде чем идти дальше, уместно будет назвать наиболее замечательные и важные из этих остатков, не вдаваясь, однако, в подробное описание и не пытаясь согласовать разноречивые мнения учёных об их происхождении и тождестве с прославленными сооружениями древности. В этих вопросах мне остаётся отослать вас к трудам более сведущих и усердных путешественников; в недостатке учёности вы не останетесь благодаря Реннеллу, д'Анвиллю и многим другим мудрецам, работавшим в своих кабинетах, равно как благодаря наблюдениям Рича, Бекингема и Портера, а также других путешественников более раннего времени, побывавших на самом месте: *я же намерен только рассказать о том, что видел сам.*

Итак, развалины Вавилона, как их принято называть, состоят из громадного пространства низких округлых (или бесформенных) холмов того же рода, что и описанные мною во время нашего последнего перехода; среди них на правом, или западном, берегу Евфрата выдаётся высокая громада, известная под именем Бирс-и-Нимруд. На левом берегу находится, во-первых, Муджеллибе, к которой мы только что подъехали; во-вторых, прямо к югу от неё — Каср, груда зданий, которые считают большим императорским дворцом с висячими садами, а рядом с ним лежит значительное скопление холмов, где, по мнению некоторых, находился дворец меньших размеров. Ещё южнее возвышается холм Амран — более обширная, хотя и менее высокая, чем предыдущая, масса, которая должна заключать остатки многих важных построек. К востоко-северо-востоку, приблизительно в шести милях от Муджеллибе, находится отдельно стоящий высокий конический холм, именуемый Эль-Хеймер; и, наконец, значительный конический холм, называемый Туебо, который некоторые считают северо-восточным углом древнего города, стоит приблизительно в пятнадцати милях к северу от только что перечисленных. Кроме того, имеется множество меньших холмов: одни указывают направление каналов, орошавших страну или снабжавших водой отдалённые кварталы города, другие представляют собой остатки валов, вероятно окружавших и защищавших главные здания.

Продолжим. Муджеллибе представляет собой массивный четырёхугольный холм, стороны которого обращены к главным сторонам света. Высоту его в самой возвышенной части

я не склонен был оценивать более чем в девяносто или сто футов; но вижу, что сэр Р. Портер определяет её в сто сорок футов, а другой путешественник (Миньон), побывавший там позднее, называет сто тридцать девять, так что я, несомненно, должен был ошибиться, поскольку не имел ни времени, ни средств для измерения. Равным образом путешественники расходятся относительно размеров основания. Сэр Р. Портер указывает для северной и южной сторон пятьсот пятьдесят два и пятьсот пятьдесят один фут, а для восточной и западной — по двести тридцать. Миньон утверждает, что тщательно измерил их и что видимая северная сторона имеет двести семьдесят четыре ярда, южная — двести пятьдесят шесть, восточная — двести двадцать шесть, западная — двести сорок. Полагая, что Рич, Бекингем, Портер и другие давно установили всё это, я признаюсь, что не измерил ни одной из сторон; а поскольку время моё было ограничено и я не мог надеяться сделать новые открытия или пролить дополнительный свет на эти развалины и тёмный вопрос об их происхождении и истории, который, как предполагают, уже был освещён усердными изысканиями антикваров, я ограничился удовлетворением собственного любопытства и потому могу сообщить вам лишь то, что видел. В Муджеллибе это было совсем немного. Теперь она представляет собой лишь массу разрушенных и продолжающих разрушаться кирпичей, как сырцовых, так и обожжённых, смешанных с обычными обломками глиняной посуды, стекла и шлака в беспорядке, вполне оправдывающем её название, которое, по мнению некоторых, происходит от искажённого *Мукалибе*, или «опрокинутое». В самом деле, время, непогода и рука человека настолько совершенно уничтожили форму и строение этой замечательной массы, что случайному наблюдателю, подобному мне, представляется тщетным пытаться сколько-нибудь достоверно угадать её прежний облик, протяжённость или назначение. Нижняя часть, по-видимому, была пронизана непрерывными рядами небольших сводов или помещений, которые могли служить лишь опорой верхнему сооружению, хотя некоторые напоминают жилые комнаты. Мистер Рич нашёл в них глиняные изделия, гробы со скелетами и урны, что подтверждает мнение, будто в какой-то период это место использовалось для погребения мёртвых. Дожди прорезали холм тысячами маленьких оврагов, а склон его в большинстве мест настолько полог, что подняться на вершину не представляет никакого труда. Площадка наверху очень неровная и, как и склоны, изрезана ямами и бороздами, в некоторых из которых можно различить форму и кладку кирпичей, высушенных на солнце или обожжённых в печи, из которых она сложена. Отсюда открывается также обширный и пустынный вид. Во все стороны, насколько хватает глаз, тянется множество холмов и каналов. По одну сторону поднимался красный конус Эль-Хеймера, а по другую, на большем расстоянии, — ещё более внушительная громада Бирса. Современный город Хилла, отстоящий на три-четыре мили, почти терялся среди древних холмов, и различить его можно было главным образом по финиковым рощам.

Проведя час или два возле этого необыкновенного и мрачного памятника, мы направились к менее высокому, но более обширному и ещё сильнее разрушенному холму, известному под названием Эль-Каср, или «дворец»; некоторые полагают, что здесь находился царский дворец Навуходоносора и висячие сады его царицы Амитис. Если это так, увы, какая перемена! Какими бы ни были красота и великолепие первоначального сооружения, ныне всё погребено под жалкими грудками битых кирпичей и черепков; осталась одна совершенно бесформенная масса мусора, изрезанная бесчисленными оврагами и изрытая большими ямами, в образовании которых рука араба помогла непогоде. Сэр Р. Портер определяет её высоту в семьдесят футов, и по разрезам, открывающим внутреннее строение холма, видно, что обожжённый кирпич применялся при его строительстве гораздо обильнее, чем в Муджеллибе. Здесь даже сохранились отдельные стоящие участки стен из превосходнейшей кирпичной кладки, так прочно соединённой раствором, что отделить один кирпич от другого почти невозможно. Арабы многократно перерывали всю эту массу ради добываемых здесь кирпичей, которые перевозят в Багдад, где они продаются по высокой цене; и в некоторых ямах, образовавшихся при их извле-

чении и вырытых почти до самых оснований, я заметил большие каменные глыбы, которые арабы разбивали для своих нужд и которые, должно быть, составляли часть первоначального здания. В одной из этих впадин лежал лев из чёрного или серого гранита, открытый мистером Ричем и до сих пор остающийся одной из знаменитостей этого места; но теперь он быстро погружается обратно в мусор, из которого был извлечён, и, вероятно, скоро совершенно исчезнет из виду.*

Примечание автора: Как я узнал впоследствии, этот лев оказался слоном, у которого был отломан хобот.

Здесь мы подобрали разные обломки алебастровых ваз и глазурованных плиток, на которых рельефной эмалью были изображены всевозможные предметы, люди и животные, каждый в свойственном ему цвете. Предполагают, что они составляли часть украшений висячих садов, описанных Диодором, Квинтом Курцием и другими, которые, по их словам, были украшены рядом охотничьих сцен, изображавших преследование различных птиц и зверей. Я нашёл также несколько обломков меди и горного хрусталя, но ничего особенно ценного. Осмотрев одинокое дерево (разновидность тамариска), про которое арабы рассказывают, будто оно выросло за одну ночь из колышка, воткнутого Али в землю, чтобы привязать лошадь, и укрыло его, когда он бежал сюда после битвы при Хилле, мы покинули эти необычайные бесформенные развалины, чтобы бросить взгляд на другую, ещё более просторную, но совершенно бесформенную массу развалин, известную как холм Амран. Здесь ничто нас не удерживало. Мы не смогли осмотреть нависающий над рекой берег, полный погребальных сосудов, так как вода поднялась так высоко, что омывала его основание быстрым и бурлящим течением; но, перегнувшись через край наверху, мы могли увидеть некоторые сосуды, выступавшие из его поверхности.

День уже клонился к вечеру, и мы поспешили в Хиллу, проехав среди прекрасных финиковых садов, образующих красивую аллею; затем, пересекши множество каналов, которые здесь, по-видимому, сходились к одному месту, мы проехали по лодочному мосту, не превышавшему и половины длины багдадского, но содержавшемуся в лучшем состоянии, и въехали в современного наследника древней столицы Вавилонии. Город, хотя и сильно обветшавший, снаружи имеет довольно опрятный и даже привлекательный для азиатского города вид. Он раскинулся по обоим берегам Евфрата, соединённым упомянутым мостом; и вид вверх и вниз по реке, хотя и не слишком обширный, приятен разнообразием домов и перемежающихся с ними финиковых рощ, зеленью и оживлением, которое придают ему вода и лодки. При первом взгляде на прославленный Евфрат я был удивлён и несколько разочарован. Он, бесспорно, не составляет и половины Тигра по величине; в месте немного ниже берега с погребальными сосудами его ширина не могла превышать семидесяти или восьмидесяти ярдов.

Разбирая впечатление, оставленное во мне всем увиденным за сегодняшний день среди развалин, или, вернее, следов знаменитого Вавилона, я нахожу, что оно в точности совпадает с тем, какое я ожидал. По рассказам, которые мне доводилось слышать о Муджеллибе, и по виду других сходных развалин я мог бы заранее нарисовать её. Каср весьма разочаровал меня своей высотой и отсутствием величественного вида, хотя не размерами, ибо он обширнее, чем я воображал; а что до всего прочего, с таким же успехом вы могли бы смотреть на любой подобный участок неровной, бесплодной и изрытой земли. Длинные насыпи, отмечавшие каналы и расходившиеся на большие расстояния, представляли интерес благодаря навеваемым ими мыслям; было также нечто впечатляющее в одиночестве и пустынном виде панорамы, открывавшейся с вершины Муджеллибе, что несомненно напоминало наблюдателю об удивительном исполнении многочисленных пророческих возвещений гнева Божия, встречающихся повсюду в Священном Писании; однако напоминание это было не столь сильным, как можно было бы предположить. Вавилон, хотя и совершенно разрушенный и превратившийся в пристанище отвратительных тварей, всё же не лишён следов близости человека: вокруг виднеются деревни,

финиковые рощи и возделанные участки, а стены Хиллы напоминают, что в пределах зрения существует нечто вроде города, — поэтому образ полного запустения нарушается, и душевное состояние созерцателя невольно претерпевает соответствующую перемену. В целом вид этих остатков того, что некогда было одним из чудес света, несомненно глубоко меня занимал; однако что касается всех тех неопишуемых чувств, которые путешественники считают своим долгом испытывать в подобных местах, и особенно здесь, то мне придётся признать себя виновным в преступлении против чувствительности и приличия, если это преступление, ибо, по правде сказать, я почти ничего подобного не пережил. Истина состоит в том, что людям, привыкшим к обширным и бесплодным ландшафтам и чьё воображение несколько притуплено суровой житейской действительностью, для пробуждения восторга требуется нечто само по себе более поразительное и осязаемое, нежели всё, что предстает перед глазами в Вавилоне; признаюсь, именно так обстояло дело со мной. Гораздо сильнее меня поразила одинокая жуткость старого города Эриджа в Веромине близ Тегерана с его старой белой изрытой стеной, стоявшей почти совершенно целой, но совершенно необитаемой и заброшенной, чем всё виденное за сегодняшний день. Первый походил на скелет некогда могущественного поселения: он ещё сохранял какую-то страшную связь с человечеством и напоминал ужасный корабль-призрак Кольриджа, который, покинутый командой, многие и многие годы дрейфовал по океану, пока бури неведомых времён не выбелили его до пугающей белизны. Второй же — это тот же скелет, рассыпавшийся в прах, который уже нельзя отличить от прочей глины, словно выброшенное на берег судно, сгнившее на песке, обломки которого уже не вызывают никакого представления о прекрасном корабле, некогда полном жизни и гордо встречавшем океанские волны.

Евфрат, несмотря на моё разочарование его величиной, был предметом куда более занимательным и волнующим. Есть нечто такое в живом потоке, с чем можно вступить в общение: вечно изменяясь и оставаясь всё тем же, он обращается к вам как существо одушевлённое и говорит: «Я тот же, каким был в древние дни, — с начала времён я не изменяюсь. Я видел, как уходили поколения, и всё же остаюсь свежим и молодым, как прежде». Евфрат тот же, каким был во времена, когда пленённые дети Израиля сидели на его берегах и плакали, и, несомненно, вид этой реки обладал, по крайней мере для меня, куда большей способностью пробуждать образы Священного Писания, чем груды праха, сколь бы громадны они ни были, разбросанные по её берегам.

Мы послали своих людей вперёд; они трусили через рассыпающиеся холмы столь же равнодушно, словно Навуходоносора, Дария, Кира или любого из других прославленных деятелей древности, некогда появлявшихся здесь, никогда не существовало. Мы нашли их разместившимися в весьма обветшалом и грязном, но очень просторном и когда-то великолепном доме, построенном прежним Али-пашой для одной из его жён; едва мы расположились в уголке отведённых нам покоев, как явился старый арабский приятель доктора, чтобы укорить его за то, что он остановился где-либо, кроме его собственного дома, и объявить, что ни один из нас, пока мы находимся в Хилле, не должен ничего есть или пить, кроме того, что он сам предоставит, вместе с тем пожелав узнать, что мы особенно любим. В подтверждение этого заявления он немедленно прислал нам превосходное блюдо фиников, кислого молока и сливок, а также уже приготовленное мясо и хлеба столько, чтобы хватило всем нашим слугам.

Этим вечером мне довелось испытать ещё одно из удовольствий путешествия — крайне неприятную историю с моими слугами. Теперь нас отделял всего один дневной переход от Кербелы, одного из самых священных мест паломничества шиитов; и поскольку все мои персидские слуги принадлежали к этому исповеданию и из-за беспокойного состояния дорог не смогли посетить святыню во время нашего пребывания в Багдаде, они пришли ко мне все вместе и попросили разрешения отправиться туда теперь. Такая просьба показывала, сколь мало они считались с моими удобствами, и я без стеснения высказал им всё, что думал по этому поводу. Выходило, что меня оставят одного в незнакомом месте, без единой души, которая

присматривала бы за одиннадцатью лошадьми и мулами и за моим собственным багажом, тогда как эти молодцы отправятся добывать прозвание «кербелаи» (человека, совершившего паломничество в Кербелу), ибо что касается подлинного благочестия, то ни на гран я не склонен был им его приписывать. Я прямо сказал им, что если они все уйдут, то пусть, насколько это меня касается, там и остаются, ибо я не дам разрешения, а поступив так, они лишатся всех вознаграждений, на какие могли бы рассчитывать, оставаясь со мной; однако, поскольку я не желаю слыть человеком неразумным или жестоким, я разрешу отправиться любым четверым, то есть половине из них, при условии, что они дадут слово вернуться к вечеру второго дня. После довольно продолжительного спора дело закончилось тем, что требуемое разделение было произведено: двое прежних слуг и двое нанятых мною в Багдаде остались со мной, а четверо персов, среди которых трое самых расторопных, следующим утром отправились в Кербелу.

ПИСЬМО II

Бирс-и-Нимруд. — Размышления о причинах его разрушения. — Вид с вершины. — Предположения о его происхождении, назначении и тождестве с Вавилонской башней. — Бурсиф, или Борсиппа. — Неприятный сюрприз. — Дерзкие солдаты. — Друг, пришедший на помощь, и холодный ужин. — Древности различных эпох.

Приготовления, вызванные отъездом моих слуг, задержали нас дома дольше, чем следовало бы; но после превосходного завтрака, который главным образом обеспечил наш арабский друг и на котором видное место занимало блюдо густых сливок, способных соперничать с девонширскими, мы сели верхом и отправились осматривать Бирс-и-Нимруд, который, как вы знаете, считают остатками первоначальной Вавилонской башни, хотя другим трудно согласовать его положение с тем, какое древние писатели отводили храму Бела, построенному Навуходоносором и, как они полагают, тождественному сооружению, воздвигнутому первыми людьми после потопа вопреки воле Всевышнего.

Мы ехали к нему по совершенно плоской местности, граничащей с болотом, но повсюду возделанной; и достигли его подножия немногим более чем за два часа, хотя по дороге несколько раз останавливались пострелять дичь, так что расстояние я определил в восемь миль. Со стороны Хиллы вид закрыт очень большим холмом Ибрагим-эль-Халиль. Поднявшись на него или обогнув его подножие, видишь Бирс в виде высокой неправильной колонны, воздвигнутой на земляном холме и поднимающейся над обширной ровной пустыней; ибо хотя вблизи и вдали вокруг него множество холмов различной величины, а почва покрыта кирпичами и черепками, общая поверхность столь же плоска, как вода. Общая высота холма и колонны показалась мне равной ста восьмидесяти или двумстам футам; однако, как я понимаю, это меньше истинной величины, ибо один только холм поднимается над равниной на двести футов, а колонна возвышается ещё на тридцать пять, всего на двести тридцать пять футов. Подойдя ближе, обнаруживаешь, что этот предполагаемый земляной холм в действительности представляет собой массу высушенных на солнце кирпичей, смешанных с обломками обожжённых в печи кирпичей разных цветов, жёлтых и красных, из которой выдаётся высокая громада прекраснейшей кирпичной кладки, и это и есть упомянутая колонна. Проследить замысел или первоначальную форму постройки представляется мне невозможным, поскольку и вершина, и склоны покрыты осыпями, накопленными веками разрушения, из-под которых лишь кое-где выглядывают углы прочной кирпичной кладки. О том, что полное разрушение произошло в глубокой древности, свидетельствует то обстоятельство, что обломки кирпича, покрывающие теперь всю вершину и верхние части склонов подобием макадамовой мостовой, покрылись лишайником, как камни древнего погребального кургана, — процесс весьма медленный в столь сухом климате; и превосходство кирпичей, употреблённых в верхней части здания, над нижними столь же очевидно из того, что первые не рассыпаются в пыль, тогда как нижние, более крупные, рассыпаются. В центральной части здания, которую правильнее было бы назвать башней, я не видел кирпичей, высушенных на солнце. С юго-восточной стороны,

ближайшей к Хилле, находится очень большая масса сырцовых кирпичей, теперь соединённая с нижней частью центра; но мне показалось, что первоначально она стояла отдельно и соединилась с ним лишь потому, что осыпавшиеся с обеих сторон обломки заполнили промежуток. С других сторон подобного выступа нет.

Но только поднявшись на эту массу кирпичного щебня, начинаешь постигать грандиозность первоначального сооружения и полноту и необычайный характер постигшего его разрушения. Очутившись на вершине, находишься у подножия стены, сложенной, как я уже говорил, из удивительно прекрасной кладки, причём кирпичи соединены настолько тонкими прослойками раствора, что недоумеваешь, почему их нельзя без труда отделить друг от друга; но стоит попытаться, и обнаружишь, что сделать это почти невозможно. Эта масса, высоту которой я определил в пятьдесят футов (хотя впоследствии узнал, что она составляет лишь тридцать пять), расколота надвое трещиной, сквозь которую можно видеть; ширина её так мала по сравнению с высотой, что, не будь основание связано с первоначальной постройкой внизу, она давно бы уже обрушилась; однако стихии и времена года, по-видимому, мало на неё действуют, и она бросает вызов ещё более разрушительной руке человека.

Самыми поразительными предметами здесь, по моему мнению, служат замечательные почерневшие и отчасти остекленевшие массы, лежащие у подножия только что описанного обломка и, судя по беспорядку, в котором они находятся, упавшие с большей высоты, чем какая-либо сохранившаяся донныне часть. При рассмотрении оказывается, что они состоят из кирпичной кладки, но настолько изменённой действием огня, что она утратила первоначальный вид. Даже строение и границы между кирпичами настолько стёрлись, что нередко совершенно неразличимы, а всё превратилось в сплошную массу исключительной твёрдости и, за исключением немногих пузырьков воздуха то там, то здесь, самой плотной текстуры, какую только можно представить, — мне не известна ни одна столь прочная и твёрдая горная порода. Не имея молотка, я попытался отколоть кусочком того же вещества выступавшую из общей массы часть, очевидно представлявшую собой отдельный кирпич, но не смог этого сделать, как ни старался, и вынужден был взять образцы из валявшихся вокруг обломков.

Вопрос напрашивается сам собой: чем были эти опалённые огнём массы и каким образом подверглись они столь чудовищному жару, какой, несомненно, должны были испытать? Я не могу представить себе ничего менее сильного, чем длительный жар стекловаренной печи, достаточный для получения наблюдаемого здесь результата, — но каким образом такой жар мог действовать на той высоте, которую эти массы должны были занимать, находясь на своём месте? Ничто не позволяет предполагать, что при сооружении постройки широко употреблялось дерево, и поскольку она, очевидно, изначально предназначалась простоять века, крайне невероятно, чтобы при строительстве использовали сколько-нибудь значительное количество столь непрочного материала; между тем сгорание чего-то подобного — единственное средство, которым, как можно вообразить, здесь удалось бы создать такой жар. Его действие очевидным образом было местным. Высокая кирпичная стена, стоящая вертикально, не носит следов огня — отчего же это? В Священном Писании нет указаний, позволяющих думать, что храм Бела был разрушен каким-либо чудесным проявлением Божественной силы; но у арабов существует предание, что Бирс был уничтожен огнём небесным. Таким образом, для объяснения следов, ныне заметных на этой удивительной развалине, нам остаётся выбрать между верой в какое-то чрезвычайное и необъяснимое действие природных сил и верой в чудо. Действие молнии порой бывает ужасным: мы слышим, что одна вспышка расплавляла большие металлические болты; но поистине страшными и не иначе как чудесными должны были быть удары (если это были молнии), которые раскололи, расплавили и низвергли почерневшие обломки, усеявшие вершину этой могучей груды развалин!

Вид с этой возвышенности столь же обширен и впечатляющ. С одной стороны мы могли различить Неджеф-эш-Шериф, с другой — Кербелу, а на расстоянии пяти часов пути видне-

лось современное здание, воздвигнутое над могилой пророка Иезекииля, куда евреи отправляются на поклонение, но где нет ничего, ради чего стоило бы проделывать путь и подвергаться опасности. К западу, простираясь от северо-запада к югу дальше предела зрения и, в сущности, почти до Басры, лежала широкая водная пустыня, возникшая после прорыва дамб, сдерживавших Евфрат и древний канал Паллакопас. Это случилось много лет назад, и теперь торговые перевозки страны осуществляются по этому внутреннему морю, которое называют Бахр-эн-Неджеф; по нему в Неджеф и Кербелу доставляют товары, погруженные на суда возле Басры. В целом Бирс — замечательнейшая развалина; и когда мы смотрели на неё с холма Ибрагим-Халиль, где она поднималась из пустынной равнины на фоне водного простора, расстилавшегося неподалёку, перед нами открывалось поистине поразительное зрелище — единственный памятник древнего Вавилона, пробудивший во мне нечто похожее на ощущение его прежнего великолепия и могущества и его страшного падения. Это, в самом деле, павшее величие, преданное полному запустению, — истинная «мерзость запустения».

Однако здесь я должен исправить одну ошибку, в которую впал сам и в которую, как мне представляется, можете впасть вы и другие, касательно состояния этих развалин. На основании услышанного я составил себе представление, будто их окружают и покрывают заросли кустов, сорняков и колючек — буйная растительность, которая часто заволакивает разрушенные здания. Возможно, меня навели на эту мысль также рассказы о том, что здесь водятся дикие звери, что это «жилище льва и змеи». Что же касается джунглей и буйной растительности, теперь я могу уверить, что ничего подобного здесь нет. Один из самых безошибочных признаков древнего поселения — полное отсутствие растительности; и остатки здешних строений настолько препятствуют росту любых растений, что мне случалось находить основания старой кирпичной стены, скрытые глубоко под поверхностью земли, в саду по тому признаку, что над ними отказывались прорасти семена или растения. Ни на одном из описанных мною холмов, ни на каком-либо из многочисленных меньших холмов вокруг нет никакой растительности; а вся совокупность кустов или трав на пространстве развалин состоит лишь из нескольких солончаковых растений или тамариска у канала. Следовательно, более крупным и благородным хищным зверям здесь негде укрыться. Львы нуждаются в густых зарослях и не любят удаляться от них настолько, чтобы оставаться на открытом месте; не по вкусу им также держаться так близко к человеческим жилищам, как пришлось бы в Муджеллибе или Касре, находящихся возле Хиллы и Махавиля. Гиены, шакалы и волки здесь могут встречаться, и, несомненно, встречаются; но я подозреваю, что сэр Р. Портер ошибся, рассказывая, будто видел трёх львов, прогуливавшихся на Бирсе. Львы вообще не отличаются такой общительностью и редко показываются более чем по одному.

Я уже упоминал мнение некоторых, будто Бирс представляет собой Вавилонскую башню и древний храм Бела; и, конечно, если в этом вопросе следовало бы принимать во внимание лишь высоту и величину, Бирс без труда одержал бы верх; однако крайне трудно согласовать отрывочные сведения, почерпнутые нами у древних авторов, с местоположением вавилонских развалин, и, несомненно, имеются серьёзные доводы как против, так и в пользу права Бирса на приписываемую ему славу. Первая трудность, пожалуй, заключается в установлении того, что представляла собой равнина Сеннаар и что — равнина Дура, на которой была построена башня. Кроме того, если обратиться к языческим авторитетам, Геродот и Страбон упоминают храм Бела как находившийся внутри города; они также говорят, что город разделялся рукавом Евфрата, но не указывают, на какой стороне стоял этот великий храм. Между тем Бирс расположен по меньшей мере в шести или семи милях от нынешнего русла Евфрата и в целых девяти милях от Касра и большого скопления развалин на восточном берегу. Насколько же вероятно, что он мог находиться внутри стен древнего Вавилона?

Геродот приписывает городским стенам форму квадрата с окружностью в шестьдесят миль. Один мой друг, много занимавшийся этим вопросом, взяв указанные данные за основу,

осмелился предположить, что Бирс мог образовывать юго-западный угол такого квадрата, Эль-Хеймер, лежащий от него ровно в пятнадцати милях, — юго-восточный, Туеба, несколько более удалённая, — северо-восточный, тогда как северо-западный угол оказался бы затерян в болотах, которые с этой стороны поныне окружают соответствующую часть предполагаемого древнего города, как окружали её и в прежние времена. Правда, при таком построении Бирс оказался бы внутри древних границ, а Евфрат остался бы в нынешнем русле; но прославленный храм Бела, или Вила, был бы вытеснен в угол, что едва ли можно счесть вероятным; и потому, насколько я могу судить, сам мой друг далеко не уверен в тождестве храма Бела и Бирса. Он даже предложил другое предположение, заслуживающее внимания учёных. Обширный город Вавилон со временем разделился на районы: в одном из них, называвшемся Бурсифом (Борсиппа Страбона и других древних географов) и населённом халдеями (остатками халдейско-вавилонского царства), а вероятно, также их жрецами и учёными, был воздвигнут этот великий храм их божеству, который мог принадлежать к несколько более позднему времени, чем построенный Навуходоносором, и потому оставил после себя более значительную массу развалин. Если это или нечто подобное соответствует истине, стало бы понятно иначе необъяснимое название Бирса, ничего не значащее по-арабски, но легко выводимое из греческого «Борсиппа» и халдейского «Бурсиф» без всякого того насилия над словами, к которому так часто прибегают этимологи. В конце концов предмет настолько окутан туманом веков, а редкие проблески света, которые проливает на него история, настолько слабы и разобщены, что я боюсь: вся сила человеческого рассудка и остроумия, употреблённая на сопоставление известных фактов и подкреплённая даже личным знакомством с нынешним местоположением развалин, едва ли много прибавит к нашим знаниям или позволит точнее установить границы древнего Вавилона либо природу и характер сооружений, ныне представленных горами мусора, пробуждающими наше любопытство и изумление на месте этого города.

Пробыв несколько часов на этой достопочтенной громаде и вокруг неё и зарисовав её с различных точек, мы повернули лошадей обратно к Хилле, где нас готовился встретить чрезвычайно неприятный сюрприз, способный низвести нас с любой высоты восторга, на которую могло вознести посещение Бирса. Во время нашего отсутствия случилось происшествие, давшее нам весьма ясное, но крайне неудобное на практике представление о характере управления этой страной. Новый губернатор Хиллы, с которым нас познакомили в Багдаде и который обещал всяческую помощь и содействие, прибыл на место, приведя с собой сброд арнаутской конницы, или хайтов; около пятидесяти или шестидесяти этих молодцов, нуждаясь в жилье, преспокойно явились в наш дом, вышвырнули слуг, животных и всё прочее на улицу и столь же невозмутимо завладели помещением. Таким образом, вернувшись на закате, вместо того чтобы найти, как мы имели основания ожидать, хороший горячий обед, который подкрепил бы наши тела и ободрил души, мы оказались не только без пищи, но даже без крыши над головой на ночь.

Доктор, узнав о случившемся, тотчас отправился к бею с жалобой и фирманом паши, однако смог добиться лишь ответа, что высокий господин удался в гарем и его нельзя тревожить до утра. Теперь выяснилось, что при первой стычке один из наших слуг отправился в сераль с жалобой и губернатор действительно послал своего чауша приказать арнаутам освободить дом; но те самым грубым и непристойным образом ответили, что он может отправляться к дьяволу и взять с собой своего хозяина; поэтому, начав серьёзно подозревать то, что на самом деле и было истиной, а именно что губернатор не имеет власти над собственными солдатами, мы вынуждены были, по крайней мере на эту ночь, покориться судьбе и искать крова где придётся. Поскольку солнце уже село, такое предприятие представлялось далеко не обнадёживающим, но в этом затруднении наш арабский друг поспешил нам на выручку. «Почему вы с самого начала не приехали в мой дом? — спросил он. — Тогда ничего подобного не могло бы случиться; но приходите теперь, всё готово, я от всего сердца вам рад»; и, подтвердив слова

делом, он сам первым принялся навьючивать на лошадей и мулов наш багаж, разбросанный по улице. И хотя мы очень ощущали отсутствие наших паломников, ушедших в Кербелу, всё же сумели без каких-либо существенных потерь перевезти всё своё имущество к доброму другу, чей дом, хоть и меньший, на деле оказался лучше и удобнее покинутого нами жилища. Устроившись, мы как могли проглотили свою злость; и, поужинав рыбой, которая была бы великолепна в горячем виде, но в холодном состоянии плохо годилась для успокоения взъерошенных чувств, легли спать, бормоча клятвы мести всем хайтам Месопотамии. Не следует забывать и о том, что наш чрезвычайно заботливый друг, ещё пока переносили багаж, велел жене изжарить для нас трёх пустынных куропаток, которых я подстрелил по дороге к Бирсу, но они оказались столь неодолимо жёсткими, что мы предпочли холодную рыбу, запивая её напитком, которому невозможно воздать достаточно хвалы, — хорошим чаем.

Следующее утро выдалось ненастным и пасмурным, и ничто не побуждало выходить наружу; но и дома нам было чем развлечься, рассматривая и отбирая предметы древности из свёртков, которые находят около развалин и приносят нам на продажу главным образом евреи, покупающие их у арабов. Ничто не доказывает с большей убедительностью древность этих развалин и не даёт столь интересного представления о чередѣ народов, обитавших здесь, как отчётливо различимые виды древних предметов и остатков, среди них находимых. Цилиндры и печати, покрытые однообразными, или стреловидными, знаками, встречающимися также на вавилонских кирпичах, развалинах Персеполя и памятниках Курдистана и Армении; более тонкие, а иногда необыкновенно искусно выполненные камеи и резные камни греческих мастеров вместе с монетами и украшениями той же эпохи; другие изделия, сюжеты которых выдают работу римского резца; и хорошо известные костюмы и изображения династии Сасанидов — всё это встречается в изобилии, хорошее, плохое и посредственное (хотя, разумеется, последние две категории преобладают), и всё предлагалось нам в обмен на наши деньги. Затем нам нужно было привести в порядок дневники и разобраться с перепутанным багажом, так что время пролетело незаметно до приближения вечера, когда следовало ожидать возвращения наших слуг-паломников; но ждали мы напрасно, поэтому после превосходного обеда, приготовленного отчасти моим собственным искусником, отчасти нашим арабским другом, мы отправились на ложа скорее в страхе, нежели с надеждой, думая о возможности выехать завтра. Нынешнее утро решило этот вопрос: помимо того, что мои беглецы так и не явились, хлынули потоки дождя, и в здешней глубокой суглинистой почве пытаться пробираться сквозь них было бы безумием, так что я обратился к письму и рисованию — этим неизменным средствам провести время в подобных обстоятельствах, раскрасил несколько рисунков Бирса и стал надеяться на лучшее завтра.

ПИСЬМО III

Новогоднее пожелание. — Отъезд из Хиллы. — Противоположность между турецким губернатором и нашим арабским хозяином. — Возвращение паломников. — Способ обработки земли. — Эль-Хеймер. — Арабы-феллахи. — Унылая поездка. — Холодная новогодняя ночь. — Голод и жажда. — Горящее болото. — Необычная погоня. — Лагерь зубейдов. — Шейх. — Соблазнительное предложение. — Холодный ночлег. — Искурия. — Пир арабского шейха. — Расходы на гостеприимство.

3 января 1835 года.

Тысячу добрых пожеланий, дорогой мой _____, и да повторится этот праздник столько раз, сколько потребуется для вашего счастья и благополучия; но посылаю я эти пожелания из необычного места — из арабского лагеря, где терплю больший холод и неудобства, чем, надеюсь, приходится испытывать вам, вдаль от всех тех, с кем люблю проводить подобные дни. Мы покинули Хиллу в день, которым датировано моё последнее письмо, в десять часов утра, но проделали лишь короткий переход, менее десяти миль, до лагеря арабов-феллахов возле последней из вавилонских развалин, которую считают достойной внимания чужеземца,

а именно Эль-Хеймера, конического холма, получившего это название за свой красный цвет. Я забыл рассказать вам, что наутро после нашей поездки к Бирсу нас посетил казначей губернатора, будто бы из любезности со своей стороны, а в действительности чтобы выведать наше настроение по поводу оскорбления, нанесённого предыдущим вечером. Он как бы по секрету заверил нас, что сам паша не имеет власти над этими арнаутами и не может их наказать, поскольку, если на них надавить, они, вероятно, повернутся против него и обойдутся с ним ещё хуже, чем с нами. Он пытался уговорить нас более не думать об этом, уверял, что это *хайваны* (звери), не заслуживающие нашего внимания; в ответ на столь утешительное замечание мы дали ему понять, что наглость, которую нам пришлось вытерпеть, и причинённые нам неудобства нисколько не уменьшаются от того, что виновники происшествия — скоты; что у нас, когда скоты ведут себя дурно, их наказывают; и что, поскольку мы находились под покровительством паши и его превосходительства, нас удовлетворит не что иное, как заслуженное наказание виновных, а если в нём нам будет отказано здесь, мы обратимся к паше. Казначей удалился, обещав, что мы получим ответ его господина; но поскольку этого не случилось, утром нашего отъезда из Хиллы я составил описание всего происшествия и отправил его специальным гонцом резиденту, полковнику Тейлору, в Багдад.

Как отличалось от этого поведение нашего арабского друга и хозяина Раджаба! Его доброта и предупредительная заботливость не знали усталости: он предугадывал каждую нашу нужду и доставлял всевозможные удобства. Одно за другим он присылал вкусные блюда, чтобы возбудить наш аппетит, и постоянно держался поблизости с заботливым, но отнюдь не назойливым усердием, стремясь исполнить малейшее наше желание; что стало бы с нами без него при всех обстоятельствах, я, право, не знаю; и при этом он решительно ничего не хотел принять в вознаграждение! Такое бескорыстие стоит отметить хотя бы ради его редкости, ибо мы встретили очень немного арабов, похожих на Раджаба.

Мои слуги вернулись днём двадцать девятого числа, промокшие до нитки, но упивавшиеся благоуханием святости, приобретённым вместе с почётным званием кербелаи; а один из моих конюхов, остававшийся со мной, оказался так воспламенён их благочестивым рвением или так испуган обязанностями, которые он принял на себя, отправляясь со мной в Арабистан, что настоял на увольнении и немедленно отправился в Кербелу.

Наш путь пролегал прямо через страну, раскисшую после недавнего дождя, но благодаря этому мы смогли увидеть, как здесь готовят землю к посеву. Способ был поразительно прост: землю царапали столь неглубоко, что кусты так называемого хлеба святого Иоанна (*mimosa agrestis*) почти не задевались, после чего семена разбрасывали по поверхности; и всё же благодаря плодородию почвы столь необычная обработка даёт великолепные урожаи. Нам стоило немалого труда выбраться из глубокой грязи возле города, и немало неприятностей доставило преодоление разных водотоков на дороге. Чтобы сократить путь на завтрашний день, поскольку было ещё рано, мы сразу отправились верхом осматривать Эль-Хеймер, находившийся не более чем в миле от места нашего ночлега. Это, как я уже заметил, конический холм, сложенный, по-видимому, из обожжённого в печи кирпича, но худшего качества, чем кирпич Бирса, отчего он быстрее разрушается под действием погоды. В этом холме мало что привлекает внимание, кроме некоего белого порошка, лежащего прослойками между кирпичами через неравные промежутки в три, четыре, пять, шесть или семь рядов и ставившего учёных в тупик; одни считают его особой разновидностью разложившегося цемента, другие — слоями камыша, истлевшего от времени и непогоды, но если верно последнее, почему он разложился здесь сильнее, чем в других местах? Стоя на вершине конуса, я внимательно всматривался в направлении Бирса и Туебы, пытаясь найти непрерывную цепь холмов, которая должна была отмечать расположение стены, если Эль-Хеймер действительно составлял, как предполагают некоторые, юго-восточный угол древнего Вавилона; но ничего подобного не было видно, ибо

различимые холмы находились главным образом к югу и востоку от него и, следовательно, должны были представлять собой остатки построек за линией предполагаемой стены.

День к этому времени стал нестерпимо холодным: по равнине дул пронизывающий ветер, и мы с радостью вернулись в лагерь, где, однако, приём не сулил нам утешения. Наш хозяин, если можно назвать хозяином человека, не предложившего нам ничего, даже укрытия на ночь, был арабом-феллахом из племени зубейдов и, как нам говорили, родственником шейха Вадди, находившегося в Багдаде. Он встретил нас с самой отталкивающей холодностью, пока не узнал, что среди нас есть врач, после чего разом оживился, изложил целый перечень недугов и принялся настойчиво выпрашивать лекарства. На этой струне можно без труда сыграть с любым жителем Востока. Бесплатные лекарства и врачебные советы настолько соблазнительны, что, если у этих людей в действительности нет болезней, они будут притворяться больными и просить средств даже от таких недугов, которые, возможно, когда-нибудь постигнут их в будущем.

Жалкие хижины этого лагеря буквально не могли дать нам крова, поэтому я поставил маленькую палатку, которую на всякий случай взял с собой, — как раз достаточно просторную, чтобы вместить три наших маленьких матраса или нас самих, сидящих на них, и в ней мы тесно улеглись, закутавшись во все плащи, какие смогли собрать. Наши хозяева не желали ни давать, ни продавать нам ничего, но спустя некоторое время дали понять, что наши нужды могли бы быть удовлетворены за подарок; так мы раздобыли немного пищи и постарались устроиться как можно лучше. Нашим слугам пришлось ещё хуже: все они были не в духе из-за плохих дорог и неудачного начала пути, а скверный ночлег не улучшил их настроения; укрытия у них почти не было, и когда небо ночью прояснилось, ударил сильный мороз с ледяным ветром, так что бедняги промёрзли до самых костей.

Утром тридцать первого числа земля была твёрда как железо и покрыта инеем, а каждая лужа превратилась в сплошной кусок льда. Солнце поднялось кровавым, и с ним разыгрался неистовый ветер, пронизывавший до мозга костей: все приготовленные нами покровы не могли его остановить, а люди окоченевшими пальцами едва справлялись с навьючиванием мулов, — и всё это в Месопотамии, где летняя жара невыносима! Мы тронулись не раньше семи часов; и долгим, бесконечно долгим и утомительным был путь прямо через пустыню — настоящую, голую, безрадостную пустыню, лишённую всяких следов человека и почти всякой растительности! Единственное разнообразие представляли холмы или места, где некогда стояли древние города и селения, причём за этот дневной переход приблизительно в тридцать две мили нам встретилось не менее четырёх больших таких мест вместе с несколькими каналами. Едва мы миновали одно, как показывалось другое; и можно смело сказать, что за весь день мы не прошли ни одного квадратного руда земли, не увидев следов прежних жилищ в виде обломков кирпича, стекла и глиняной посуды. Значительная часть земли была совершенно бесплодной, а многие участки настолько сильно растрескались, что ехать верхом по ним было весьма опасно. Там, где имелаась растительность, она состояла лишь из нескольких кустов каперса, хлеба святого Иоанна (*mimosa agrestis*), солончаковых растений или травы, иногда покрывавшей большие пространства, где разливы воды позволяли ей пышно разрастись.

Около трёх часов пополудни мы впервые были обрадованы видом одного или двух верблюдов на горизонте — обычно это самый ранний и надёжный признак близости арабского лагеря; но на этот раз он нас обманул: верблюды принадлежали арабам-джербоа, часть которых забрела так далеко в поисках пастбищ. Ещё раньше мы заметили дым, который приняли за дым лагеря зубейдов, куда направлялись, и который вселил надежду рано достичь ночной стоянки; но час проходил за часом, а лагерь ничуть не приближался. Наконец под вечер мы встретили ещё верблюдов, потом овечьё стадо; тогда мы решили, что наконец всё в порядке, и ещё долго тащились вперёд, но по-прежнему ничего не видели. В конце концов наш длинный и глуповатый проводник на своей худой костлявой кобыле сорвался с места, «как стрела с тетивы», к вершине холма, откуда рассчитывал увидеть желанный лагерь; но нас вновь ожидало разоча-

рование: там стояли лишь три или четыре жалкие маленькие палатки тех же арабов-джербоа, которых анейза вытеснили южнее Багдада и с которыми, как вы, вероятно, помните, мы встретились по дороге в Хиллу. В сущности, это было небольшое верблюжье пастбище, а жившие здесь люди были пастухами или, вернее, верблюжатниками, слугами тех, кто лишился большей части своего достояния. От подобных людей нечего было ожидать, даже воды, ибо их верблюдам её требуется немного, а сами они в известной мере разделяют природу своих животных; но они сказали нам, что лагерь зубейдов находится всего в часе езды, и мы снова двинулись к возвышенности, с которой, как нас уверяли, должны были увидеть палатки. Однако, достигнув её, мы увидели лишь пустую унылую пустыню с отблеском огромного пожара далеко впереди, очевидно от горевшей травы. Теперь наш проводник, словно храбрец, сразу принял решение и, громко хрюкнув нечто, означавшее «я-Аллах!», повернул назад к палаткам пастухов-джербоа и замахал нам, чтобы следовали за ним; мы послушались и приблизительно через час после захода солнца добрались до этого места.

Мы нашли их настолько бедными, насколько только могли вообразить в худших предположениях: нельзя было достать ни кусочка хлеба, ни капли воды, и лишь с величайшим трудом удалось выпросить столько ячменя, чтобы наши голодные лошади получили по несколько глотков корма. Из него здешние люди пекли собственный хлеб. Более того, сперва мне показалось, что нам придётся драться даже за право расположиться лагерем, ибо при нашем приближении к этим жалким жилищам оттуда выскочила шайка самых грубых чудовищ, словно намеревавшихся не встретить, а сбить нас с ног, поскольку каждый держал в руке увесистую дубину. Что до хлеба, то, был ли он у них или нет, они не хотели ни продавать, ни отдавать его, объясняя, что у арабов продавать хлеб считается позором; за зерно же нам пришлось заплатить втрое дороже его стоимости. Они предложили нам овцу приблизительно вдесятеро дороже её цены, но топлива для приготовления мяса не было, а соломы и воды нельзя было получить ни за какие деньги. У нас самих имелись рис и немного мяса, сохранённого со вчерашнего дня; но слугам нашим, не имевшим ни пищи, ни убежища, пришлось, должно быть, совсем плохо. Несколько скверных фиников и, возможно, немного такого же скверного и горького верблюжьего молока — вот всё, чем они могли питаться. Хозяева наши были такими угрюмыми и неприветливыми мошенниками, что я велел передать чернокожему проводнику наше требование выставить на ночь сторожей. Ответ был: «Будьте спокойны, всё здесь в такой же безопасности, как в вашем собственном доме»; и в доказательство истинности этого заявления, пока один из наших слуг торговался с местными жителями о требуемом стороже, кто-то из них схватил у него пояс и убежал с ним прямо у него на глазах.

Ночь, однако, прошла без новых неприятностей и даже тише, чем обыкновенно в арабском лагере. У наших слуг не было палатки, и они поочерёдно, по трое, несли стражу всю ночь. Всё-таки весёлые, беззаботные плуты эти персы: сидя вокруг углей костра, который они с трудом поддерживали сухими сорняками, они хором распевали что-то вроде куплетов, звучавших приблизительно так: «Диковинная страна для путешествий — Арабиستان! Лошадям не достать ни соломы, ни зерна, слугам — ни мяса, ни питья, даже хлеба и воды, чудесная страна Арабиستان! Прекрасная страна Арабиستان!» — а затем все разражались громким смехом; вот таким образом они встречали Новый год! В самом деле, это была последняя ночь 1834 года, и на следующее утро мы открыли глаза на первый день 1835-го — уже второй такой праздничный день, который я провёл после расставания с вами в трудах и странствиях этого разнообразного и тревожного путешествия.

Холодно, холодно занимался рассвет над нашей маленькой палаткой, и холоден был приём, оказанный нам на широких равнинах Халдеи среди диких бедуинов-джербоа. Вся равнина была бела от инея, точно снегом, а кроваво-красное солнце поднималось на безоблачном оранжевом небе, пока мы пробирались к берегам Тигра, до которых, как вскоре оказалось, оставалось три часа пути; но несмотря на голод и холод и на знание нашими людьми того, что

облегчения ни от того, ни от другого не будет, пока мы не достигнем палаток зубейдов, мы выступили лишь в четверть восьмого.

Сперва путь пролегал через травянистое *хоре*, или тростниковое болото, теперь сухое и покрытое жёсткой осокой; и, пробираясь через него два часа, мы начали различать вдаль вереницы верблюдов. Скоро стало очевидно, что они нагружены и движутся вправо; а араб-пастух сообщил нам, что это действительно верблюды зубейдов, которые лишь накануне вечером переменили стоянку. В одном отношении это было неудачей: мы должны были застать лагерь в беспорядке и менее способным обеспечить нас пищей и удобствами; но главное было вообще найти его и раздобыть хоть что-нибудь для наших голодающих лошадей и людей. Желанный вид трёх мачт, принадлежавших трём лодкам, сразу послужил доказательством близости реки и ориентиром, ведущим к ней; что очень обрадовало наших измученных жаждой лошадей, которых мы едва удержали от того, чтобы броситься в глубокую грязь на берегу. Теперь справа показалась бесконечная вереница верблюдов, навьюченных имуществом зубейдов; пересекая этот поток, мы направились к столь же длинной полосе дыма, которую нам указали как место, где сейчас ставили шатры; но не воображайте, что над этими кострами уже кипели котлы с мясом, которым предстояло наполнить наши пустые желудки: вместе с Новым годом наступило новолуние, а с ним Рамазан, или магометанский пост, и все постились.

Живописно было видеть весь горизонт, покрытый верблюдами, казавшимися в мираже движущимися деревьями; но ещё более живописное зрелище ждало нас, когда, огибая полосу высокого тростника, мы внезапно очутились перед большим *хоре*, объатым огнём: трава горела яркой линией пламени длиной более трёх миль. Это был пожар, замеченный нами прошлым вечером, который дремал под обильной росой, пока утренний ветер не раздул его с новой силой. У арабов существует обычай выжигать сухую болотную траву, чтобы в надлежащий сезон для скота вырастала молодая и сочная поросль; таким образом перед нами предстало великолепное зрелище целой страны, охваченной пламенем. Пока мы ехали вдоль края пожара по дымящейся земле, было замечательно наблюдать, как раздвоенные языки пламени пожирают сухие травы и взмываются в воздух в самых причудливых очертаниях, подбрасывая к небу целые полотнища огненных испарений; это напоминало могущественную армию, изрыгающую тучи дыма и пламени. Нам пришлось заигрывать с этим пожаром ближе, чем хотелось бы, ибо тропа вела через середину обширного пространства, наполовину уже выгоревшего. Огонь поднял немало дичи, прятавшейся в высокой траве. Большая антилопа выскочила прямо из-под ног лошади нашего проводника, и любопытно было наблюдать действие этого случая на его обычную флегматичность: автомат тотчас ожил и, пустив в ход свою пугалообразную кобылу, помчался в погоню, размахивая копьём; антилопа так запуталась в длинной спутанной траве, где более высокое животное имело преимущество, что у него, казалось, были все шансы заколоть её, ибо она несколько раз поворачивала и неизменно устремлялась в густую траву. К несчастью, откуда-то неожиданно выскочил маленький оборванец, арабский мальчишка, и заставил животное повернуть не туда, так что оно выбралось на более редкую траву, а затем на открытую равнину, где и спаслось; но это была недурная маленькая скачка. Наш чернокожий предводитель оказался удачливее в другой, и, как некоторые могли бы подумать, ещё более трудной погоне: чёрная куропатка (или франколин) поднялась и после короткого полёта опустилась на землю. Проводник, как прежде, ринулся вперёд с копьём в руке, а его кобыла вздернула хвост, снова вспугнул птицу и погнал её в небольшие заросли. Он ещё раз бросился за ней, увидел бедную, перепуганную и уже обессиленную птицу, притаившуюся под кустом, и пронзил её копьём, пока она лежала; затем спрыгнул с коня, с поистине зверской жестокостью скрутил ей крылья за спиной и в таком виде преподнёс мне. Всё это происходило уже почти в лагере, куда мы прибыли в полдень, успев, помимо приключений с огнём и водой, пересечь по дороге несколько древних поселений: через несколько минут после полудня мы были в шатре шейха.

Однако наш приём, насколько можно было судить, отличался не особенной теплотой, если вспомнить славу арабского гостеприимства. Рамазан, поистине, ужасно неудобное время как для путешествий, так и для визитов. Днём люди строго постятся, а ночью бодрствуют ради еды, делая и без того утомительную пору ещё более неприятной. Поскольку сами они постятся, им и в голову не приходит, что другим может понадобиться пища; и когда мы принялись расспрашивать, нельзя ли раздобыть что-нибудь поесть, оказалось, что шейх спит, а потому ничего получить нельзя.

Что касается собственно мучительного голода, мы утолили его несколькими оставшимися финиками и ломтем хлеба, запив чашкой хорошего чая, а нашим слугам тоже перепали кое-какие объедки подобного рода. Затем мы некоторое время беседовали с весьма обходительным курдом, гостем шейха (который, как я подозреваю, здесь скрывался), пока сам вождь не соблаговолил явиться. Это случилось лишь примерно за полчаса до заката. Его милость вышел из огромного чёрного шатра, стоявшего немного поодаль от нашего, и занял довольно низкое сиденье. Манеры этого человека, как и его старшего брата, шейха Вадди, отличались удивительной невозмутимостью и спокойствием — особенность, присущая, как мне кажется, большинству сколько-нибудь цивилизованных арабских вождей, если какое-либо сильное побуждение не выводит их из бездействия. Ни в приёме, который он нам оказал, ни в его приветствии, ни в последующем разговоре не было ни оживления, ни открытости; судя по тому, что я наблюдал в иных сходных случаях, я назвал бы его обращение холодным. Однако любопытство его по отношению к различным редкостям, которые, как он слышал, у меня имелись, было достаточно живым; он потребовал показать ему мои пистолеты, ружьё и подзорную трубу и пришёл в восторг от моих спичек «Люцифер» и «Прометей». Четырёхствольный пистолет мистера Финлея чрезвычайно его позабавил, и когда ему показали, как из него стрелять, он не успокоился, пока сам не выстрелил из всех четырёх стволов. Один из наших людей, сейид Хинди, сообщил ему, что я своим ружьём могу убивать птиц на лету и делаю это каждый раз, когда они взлетают. Шейх выразил огромное желание увидеть этот подвиг, и я стал искать птицу, которую можно было бы принести в жертву его любопытству; поскольку, однако, ни одной не показалось, я велел сейиду Хинди подбросить кусок кирпича, чтобы выстрелить в него, и, к счастью, попал в него в воздухе так удачно, что кирпич разлетелся на куски.

Этот удачный выстрел произвёл весьма полезное впечатление, внушив арабам высокое мнение о силе нашего оружия и средствах защиты. Сам шейх был в полном восторге и, забыв о своей сдержанности, схватил меня за руку и воскликнул: «Ну, ну, ты славный парень; лучше бы тебе стать мусульманином и жить со мной». — «Как же это возможно, шейх, — возразил я, — если я оставил на родине жену, семью и всех друзей и родственников?» — «О, откажись от них, — ответил он, — только стань мусульманином, и я дам тебе здесь всё это и даже больше». Когда я снова отказался, он повернулся к окружающим с выражением жалости и произнёс: «Какая жалость, что эти бедные молодцы должны отправиться в джаханнам (ад)! Разве ты не боишься за свою душу? Не подумаешь ли о том, как её спасти?» Я отвечал, что, по моему убеждению, всякий, кто живёт достойно, следуя исповедуемой им вере и велениям собственной совести, будет благосклонно принят Всемогущим Творцом и обретёт милость и награду в загробной жизни. На это он не дал немедленного ответа; но немного спустя, заметив, что я потираю озябшие руки, сказал: «Вот видишь, ты едва можешь вынести этот небольшой холод сегодня — как же перенесёшь завтра муки ада?» Я улыбнулся и, решив не вступать в религиозные споры, особенно с фанатиком, языка которого не понимал, оставил этот предмет. Как раз тогда зашло солнце, и шейх довольно поспешно распрощался, уведя с собой курдского джентльмена, служившего в этот раз моим переводчиком. Они отправились наслаждаться превосходной и обильной трапезой в шатре шейха, ещё более сладостной после одиннадцати часов поста, к которой и мы охотно присоединились бы; но добрый шейх, по-видимому, полагал либо

что у христиан нет аппетита, либо что они не едят вместе с магометанами, ибо он выразил некоторое удивление, когда узнал, что мы готовы есть даже животных, зарезанных ими.

Пусть говорят о холодах Канады, Сибири или Исландии, но должен сказать, что редко страдал от низкой температуры сильнее, чем в эти последние дни на равнинах Месопотамии, особенно минувшей ночью в нашей палатке. Пять мучительных часов он не давал мне уснуть; я не мог согреть постель, ноги и колени окоченели и превратились в нечувствительные глыбы, и всю ночь я ощущал, как ветер проникает сквозь все одеяла, какие мне удалось собрать, до самых костей. Утром непромокаемый плащ, наброшенный на постель, затвердел от замёрзших испарений моего тела, а вода в матарах, или кожаных флягах, и наргиле, или кальянах, превратилась в сплошные куски льда! Вот вам Халдея в январе. А что до арабского гостеприимства и любезности к гостям — «О, не произноси его имени; пусть оно спит в тени!» — куда оно, по-видимому, удалилось в наши выродившиеся времена; и пусть всякий, кто дорожит удобствами, сидит дома во время арабского Рамазана. Проснувшись сегодня утром, мы не смогли получить ни дров, ни огня, ни мяса, ни хлеба, даже воды; а когда после самых энергичных усилий нам всё это обещали, каждую вещь доставляли столь медленно и с такими большими промежутками, что все они вместе и порознь оказывались почти бесполезны для той цели, ради которой требовались. Лишь в десять часов нам удалось получить чашку кофе, а завтрак состоялся только в час пополудни. Большую часть этого времени мы провели в постели просто потому, что иначе было невозможно сохранить в теле сколько-нибудь сносное тепло, ибо огня не было, а пронизывающий северный ветер продолжал пробираться сквозь наши лёгкие покровы, несмотря на яркое солнце над головами.

После завтрака мы проехали около часа верхом от лагеря, чтобы осмотреть группу холмов, называемых арабами Исхурия, или «Каменистое место», потому что они были покрыты множеством тёмных камней необычного строения. Среди арабов существует предание, что здесь была страна Лота (или Лута, как они его называют) и что эти камни были ниспосланы с неба Всевышним во гневе для истребления нечестивых жителей этого места. Камней мы и вправду нашли такое изобилие, что их хватило бы для уничтожения любого города; они покрывали несколько холмов высотой от пятнадцати до тридцати пяти футов, тянувшихся в разные стороны более чем на милю, и были рассеяны по равнине на значительном расстоянии от них. Все они были чёрными и тяжёлыми, хотя пористыми, вперемешку с оливковыми и серно-жёлтыми шлаками и остекленевшим веществом, и, вероятно, представляли собой остатки какого-то громадного кирпичного и гончарного производства древних времён. Сам я никогда не видел заводов Стаффордшира, но один из наших спутников, побывавший там, заметил, что видел там ещё более крупные кучи подобного шлака. Большая величина некоторых чёрных камней ставит в тупик. Из них изготавливают мельничные жернова, и я подозреваю, что они сами составляли особый род изделий; встречались глыбы длиной от четырёх до пяти футов и толщиной от шести до десяти дюймов. Это, несомненно, любопытное место, и оно должно было находиться в густонаселённом краю, ибо, оглядываясь с вершины самого высокого из покрытых камнями холмов, мы едва ли могли найти на горизонте участок, не отмеченный другими холмами большего или меньшего размера, — вероятными местами городов, городков и селений, построенных благодаря изделиям этой великой мастерской или покупавших её изделия.

Мы вернулись в лагерь как раз тогда, когда сам шейх возвращался с неудачной охоты; и вскоре после заката отправились с ним в его шатёр, где его милость, убедившись, что мы не имеем возражений против трапезы вместе с мусульманами, пригласил нас разделить вечернее угощение, и мы действительно приняли участие в подлинно патриархальном и первобытном пиршестве. Хотел бы я суметь по достоинству описать эту сцену — вам придётся помочь моему рассказу воображением. Шатёр арабского шейха был сделан из тёмно-бурой ткани из шерсти животных, имел около пятидесяти или шестидесяти футов в длину и поддерживался в середине рядом шестов, ни один из которых не был выше девяти футов; таким образом, наиболь-

шая высота ограничивалась этой мерой, тогда как наветренная сторона была притянута верёвками к земле на высоте трёх футов от неё, образуя крутой скат; отверстие закрывала стенка, или занавес, из того же материала, который, хотя и был тонким и пропускал свет, достаточно защищал от ветра. Другая, подветренная сторона была открыта по всей своей длине; наружный её край, который, подобно другому, следовало бы закрепить у земли, поддерживался шестью около шести футов высотой, так что верёвки были соответственно ослаблены. Покрытое таким образом пространство могло иметь от шестнадцати до двадцати футов в ширину при названной выше длине; хотя, будь шатёр закрыт, ширина не превысила бы двенадцати или четырнадцати футов. Внутри не было ни имущества, ни мебели, за исключением верхнего конца, где лежали несколько подушек и ковров, приспособленных для сидения, и где вождь принимал гостей согласно этикету. Остальная часть шатра не могла похвастаться иным ковром, кроме пучков травы, случайно росших там, где шатёр был поставлен. Ближе к нижнему концу прямо на земле находилось место для очага, обозначенное лишь золой от прежних костров. В этот час здесь полыхало огромное пламя, освещая лица столь дикого сборища, какое только могло бы окружать людоедское пиршество; двадцать или тридцать человек сидели на корточках, причём большинство подобрали рубахи и абы, дабы их длинные, не прикрытые штанами ноги могли наслаждаться общим теплом. Они поддерживали огонь из огромной груды хвороста, лежавшей за их спинами и занимавшей самый конец и часть боковой стороны шатра, — зрелище было, право, вполне в духе Робинзона Крузо.

Вождь и мой приятель-курд встретили нас стоя; но как только в одном месте круга для нашего удобства бросили обрывок ковра, мы по приглашению сели, а они тоже приняли позу остальных, напоминавшую «танец Киркадди», держа ладони перед лицами, чтобы защититься от опаляющего жара, столь приятного нижним конечностям. В самом деле, жар был настолько сильным, что нам иногда приходилось отодвигаться и заслоняться от пламени каким-нибудь оборванным арабом. Вождь заметил это и, вспомнив успех своей вчерашней атаки на меня, возобновил свои благовоспитанные религиозные увещания замечанием: «Да, да, вы морщитесь от этого, а ведь это ничто по сравнению с жаром адского огня, который вы испытаете завтра». Никто из нас не захотел поднимать брошенную таким образом перчатку, поскольку мы боялись нарушить нынешнее согласие; да и я, признаться, был рад возможности беспрепятственно созерцать окружающую меня диковинную сцену.

Мне кажется, никогда прежде я не видел зрелища столь совершенно дикого и притом в таких больших масштабах. Курды рядом с арабами по внешности — настоящие джентльмены. Даже туркмены выгодно отличались от этих оборванных и диких детей пустыни. Большинство было одето лишь наполовину. Не думаю, чтобы среди всего общества набралось три пары штанов; для большей части весь костюм составляли рубаха или аба да головной платок неопределённого цвета; и арабские глаза, всегда дикие и яркие, хотя и красивые, сверкали неистовой искрой в отблесках костра из-под длинных чёрных спутанных прядей и сдвинутых бровей; посторонний, судя по их виду, жестам и громкости голоса, когда они говорили, мог бы подумать, что они вот-вот пустят в ход оружие — меч, кинжал или большую узловатую палку, которую каждый держал в руке, на коленях или положил рядом на землю.

У меня было немного времени, чтобы задерживать взгляд на постоянно меняющемся виде этого сборища, ибо теперь выступил вперёд каваджи, или приготовитель кофе (нечто вроде весьма растрёпанного дворецкого) великого человека; сперва он сел в круг и погрел руки, как остальные, а затем начал разливать из двух вместительных медных сосудов возле огня некий напиток, которым эти подвижники Рамазана, по-видимому, прерывают пост и который обыкновенно предлагают также гостям. Это была смесь горячей воды с сахаром, приправленная небольшим количеством имбиря и пряностей. Каждому подали по маленькой чашечке, не больше рюмки для крепких напитков, после чего дали знак, что ужин готов, и все мы перешли на другой конец шатра, где он был расставлен. О, силы небесные, помогите мне описать его!

Посреди пространства прямо перед подушками (грязными и засаленными), которое по этому случаю застелили грубой парусиной, вероятно мешками из-под зерна вместо скатерти, возвышалось нечто вроде деревянного помоста около шести футов в диаметре, и на нём в огромном медном блюде дымилось от двухсот до трёхсот фунтов риса. Вокруг этого величественного главного блюда стояли меньшие тарелки, наполненные мясными (бараными) и мучными кушаньями разного приготовления. Мясо было варёным и тушёным, приготовленным также в виде рубленых блюд со сливами, изюмом и другими хорошими добавлениями; мучные кушанья отличались ещё большим разнообразием и, хотя были довольно жирными, все оказались чрезвычайно вкусными. Большинство блюд буквально плавало в топлёном масле и густых соусах, и весь стол обнаруживал поистине княжеское изобилие. Вокруг этого пиршества, напоминавшего гекатомбу, уселись около тридцати уже описанных дикарей, длинные угольно-чёрные, заплетённые и спутанные волосы которых свисали над блюдами; а позади них стоял или сидел ещё более широкий внешний круг ожидающих, ибо, как оказалось, здесь установлен такой порядок: когда кто-нибудь набьёт свою утробу, он встаёт и уступает место другому; и так черед продолжается, пока не накормят всех присутствующих, число которых нередко достигает сотен, либо пока не иссякнет угощение.

В этом первобытном собрании мы заняли отведённые нам места возле подушек, причём шейх сидел ниже нас, но ел вместе с нами. У хозяина не принято садиться вместе с чужеземными гостями, но, поскольку дом и пиршество в действительности принадлежали шейху Вадди как главе племени, его брат, исполнявший роль хозяина, но по существу таковым не являвшийся, не нарушал установленного обычая, садясь рядом с нами. У вас сердце порадовалось бы, если бы вы увидели, с какой энергией все до единого приступили к делу в ту же минуту, как прозвучало «Бисмиллях». В мгновение ока каждая рука погрузилась почти по локоть в котёл с рисом, и всякий старался превзойти соседа величиной шаров, которые он лепил из него, смешивая с жиром и подливкой от тушёного мяса, а также ловкостью и быстротой, с какой заталкивал их в глотку; и туда они проваливались, какова бы ни была их величина, столь же быстро, как школьник проглатывает украденный крыжовник.

Наш друг-курд, сидевший рядом, указывал, какие блюда считал самыми вкусными, и, по правде сказать, хотя они были жирны, я нашёл их превосходными. Вместо того чтобы обращаться к вашим Абернети, Джефсонам и другим докторам желудочных дел, я советую всем джентльменам со слабым аппетитом и плохим пищеварением съездить в эти страны; и если изжога, боли и другие недомогания вскоре не исчезнут, значит, я не пророк: самый слабый из них не пройдёт и двух месяцев, как будет съедать живую овцу и прекрасно чувствовать себя после глотка растопленного прогорклого масла. Шейх, хотя и не забывал о собственной доле на пиру, отнюдь не пренебрегал гостями. Он брал большие куски мяса и пирогов и бросал их перед нами на разных участках поверхности рисовой горы, в склонах которой от быстрых и непрерывных нападений едоков уже образовались огромные ущелья и впадины, и выливал на неё целые блюда подливки и топлёного масла гхи, чтобы придать рису больше вкуса. Натиск был слишком яростным, чтобы продолжаться долго. Вскоре мы заметили, как некоторые члены круга вставали и с видимым сожалением и трудом покидали угощение; но освободившееся место заполнялось так быстро, что в нападении не возникало заметного перерыва, и круг всегда оставался полным. Я узнал, что принято, чтобы всякий гость, насытившийся или потративший разумное время на набивание желудка, вставал и уступал место другому; те, кто таким образом удалялся, омывали руки и садились у огня на другом конце шатра. Некоторым тяжело было расставаться с вкусной едой: ваш араб, подобно большинству дикарей, обладает удивительно покладистым желудком — может несколько дней прожить на горсти фиников или, если и их нет, вообще обходиться без пищи, пока она не появится; но когда еда оказывается в изобилии, сэр Дугалд Далгетти не идёт с ним ни в какое сравнение по способности запасаться провиантом — он способен съесть столько, сколько восемь или десять людей с умеренным аппетитом:

ничто не удивляло наших арабских проводников сильнее того небольшого количества пищи, которое мы употребляли. Я и сам, как вам известно, вовсе не слабак в обращении с ножом и вилкой, да и спутники мои, следует отдать им справедливость, не намного от меня отставали; но когда арабы видели тарелку плова с тушёным мясом, которую обыкновенно подавали нам на обед, они заявляли, что в ней и половины порции на одного человека не наберётся! Напитком, предназначенным для запивания столь основательной трапезы, был своего рода шербет из сахара и воды, подкисленный и очень приятный; и его, казалось, имелось так же много, как пищи.

Когда мы достаточно позабавились этой странной и характерной сценой и удовлетворили наши более умеренные аппетиты, мы встали, вымыли руки и удалились в гостиную, то есть к огню на другом конце шатра, вокруг которого уже собрался кружок наших первобытных друзей и где вскоре к нам присоединился сам шейх. К тому времени каваджи вновь занял своё место у огня, имея перед собой ряд по меньшей мере из восьми больших кофейников, из которых нам вскоре стали подавать маленькие чашечки этого напитка, причём порцию повторяли каждые десять минут, пока мы оставались. Каваджи был жалким пугалом с лицом, похожим на серп, в рваной рубахе и халате, с головным убором неопишущей нечистоты; его кофе, превосходный и хорошо приправленный кардамоном, разносили босоногие Ганимеды в холщовых рубахах почти такого же цвета. Нам, как главным гостям, прислуживали первым, затем без различия всему обществу, причём каваджи угощал себя и своих оборванных виночерпиев столь же исправно, как остальных. Всё время стоял неумолчный гомон голосов, настоящий арабский гвалт, и забавность зрелища усиливалась разбирательством одного делового вопроса, который шейху пришлось разрешать в течение вечера.

Оказалось, что среди гостей находятся два или три араба из другого племени, называемого баидж, которое тем или иным образом навлекло на себя неудовольствие правительства, и паша поручил зубейдам привести их к покорности, каковое поручение те охотно приняли. При исполнении его, по-видимому, был убит шейх баиджей и захвачена любимая кобыла. Первое зло ещё можно было бы простить, но последнее представляло собой непростительное посягательство на собственность, искупить которое могло только возвращение добычи, и присутствовавшие здесь люди были посланы вести переговоры по этому щекотливому вопросу. Они разделили пиршество, и с ними обращались с почётом; однако, если судить по бурным жестам и громким голосам, сопровождавшим последовавшие переговоры, дело, по-видимому, не продвигалось к удовлетворительному исходу. Впоследствии я действительно узнал, что переговоры совершенно провалились, а угрозы мести со стороны обиженного племени наши хозяева встретили презрением и открытым вызовом. Я узнал также, что сцена, свидетелем которой был этим вечером, отнюдь не составляла редкости, но представляла собой ежедневное происшествие. Когда шейх один, обычный расход у его стола составляет две-три овцы в день и три визуна (около трёхсот фунтов) риса вместе с пропорциональным количеством прочих продуктов, как-то масла, сахара и тому подобного. Когда у него гости, расход возрастает до восьми, десяти или пятнадцати овец и соответственного количества других припасов. Некий достойный человек, уже упоминавшийся под именем Сулейман Гуннум, некоторое время назад гостил у него; и за время его пребывания, продолжавшегося месяцами, расход ячменя на его лошадей составлял по одному тогару, равному двумстам сорока тебризским манам, или почти тонне в день, стоимостью здесь около пяти фунтов стерлингов!

ПИСЬМО IV.

Неприятности с проводниками. — Переход через пустыню и ночёвка под открытым небом. — Тревога. — Проявление арабской храбрости. — Более опасное происшествие и избавление благодаря Провидению. — Вторая ночёвка. — Скучное довольствие. — Дружеская встреча. — Уловка. — Неохотное гостеприимство. — Арабская честность. — Угроза «скандала». — Бени-Рикаб. — Новые попытки воровства. — Первобытное земледелие. — Арабы-

маданы, их нравы и жилища. — Новые древние городища. — Серьёзное препятствие. — Способ переправы через глубокую протоку. — Ещё одна ночь у маданов. — Переправа через Евфрат. — Ум-Гайер, любопытные развалины. — Первый лагерь мунтефиков. — Происхождение и нынешнее положение мунтефиков. — Первый вид лагеря мунтефиков. — Отсутствие шейха и его занятие.

Дорогой ...,

Во время пиршества, описанного в моём последнем письме, мы время от времени договаривались о том, что на следующее утро возобновим путешествие; но различные приготовления и распоряжения закончились лишь к половине десятого утра, когда мы простились с лагерем. Эти приготовления не обошлись без затруднений; в сущности, среди арабов я встретил немало тех же неприятностей, с какими сталкивался в Персии. Они отказывались продавать нам зерно или хлеб, но и как гостям нам не удавалось получить от них достаточно для наших нужд, так что приходилось прибегать к уловкам и посылать человека, который тайком покупал бы всё по двойной цене, либо соглашаться принимать припасы в дар, а взамен подносить дарителю вдвое большую их стоимость. Что же касается проводников, то на любые обещания предоставить их совершенно нельзя полагаться; пока остаётся хоть какое-то сомнение в возможности получить плату, люди, способные исполнить эту обязанность, предпочитают не показываться, а когда наконец становится известно, что дело сулит выгоду, оно превращается в предмет торга и множество людей, одинаково мало пригодных к этому занятию, устремляются вперёд, желая урвать свой кусок пирога. Нам объявили, что шейх назначил двух человек сопровождать нас до Сук-эш-Шуюха; однако выяснилось, что они рассчитывали получить от меня верховых животных. Убедившись, что этого не будет, они заявили, будто вместо двух лошадей могут раздобыть лишь молодого верблюда; после бесконечных хлопот и препирательств появились четверо, из которых трое ехали верхом на лошадях, а один — на верблюде. Я воспротивился такому странному сопровождению и отказался сдвинуться с места, пока человек или люди шейха не выйдут вперёд и не подтвердят своих полномочий. Это вызвало между ними такую ссору, что я подумал, будто все они в конце концов покинут меня; однако после нескольких минут крика и ярости всё само собой уладилось, и мы отправились дальше добрыми друзьями.

До четырёх часов наш путь лежал через пустыню, кое-где поросшую кустами так называемого хлеба святого Иоанна, верблюжьей колючкой и тому подобным, причём за всё время мы не встретили ни души; когда же мы заметили, что поблизости нет никаких признаков палаток или арабов, и обнаружили лужу со стоячей водой, мы остановились среди кустов тамариска и разбили лагерь на ночь. Кажется, я уже упоминал, что захватил небольшую палатку, поистине крохотную вещицу; теперь она оказалась великим утешением, ибо к ночи ударил сильный мороз и вода вскоре обратилась в лёд; однако в маленькой палатке нам было уютно, и после хорошего ужина из припасов, взятых с собой, мы крепко спали посреди пустыни. Слуги были предоставлены всей суровости пронизывающего ветра, а лошади после дневного перехода не имели иной пищи, кроме своей порции зерна; но помочь этому было невозможно. В течение дня мы держали направление почти точно на юго-юго-восток.

Среди прочих пустынных растений сегодня мы вновь встретили колоцинт, или горькое яблоко, в таком изобилии, что местами оно сплошь покрывало землю. Чужестранцу оно настолько напоминает прекрасный спелый апельсин, что, как мне рассказывали, некоторые, обманувшись его видом, даже спешили, чтобы попробовать его на вкус, — опыт, который они, ручаясь, никогда не повторят. Мы миновали также несколько древних городищ и один или два больших канала, почти совершенно исчезнувших; одно из городищ арабы называли Авейрие, а другое — Окухтер.

Сегодня утром (4 января) было так мучительно холодно, что до позднего часа невозможно было заставить людей двинуться с места. Мы покинули стоянку лишь в четверть восьмого; по мере того как поднималось солнце, а ветер дул нам в спину, мы понемногу согрелись и

могли бы наслаждаться ездой, будь вокруг хоть что-нибудь достойное внимания; однако редкие кусты, сопровождавшие нас вчера, сегодня сменились одиночными пучками растительности, разбросанными на больших расстояниях друг от друга, между которыми простиралась совершенно голая земля, часто рассечённая глубокими трещинами, зиявшими у нас под ногами. Эта бесплодность происходила вовсе не от скудости почвы, а от того, что её часто заливала вода, а в другое время иссушал зной, так что всякое семя, случайно попавшее на неё, вероятно, погибало прежде, чем успевало пустить корень.

Примерно через два часа после выхода мы пережили весьма забавную тревогу и получили наглядный образец арабской храбрости. К нашему отряду прибавились четверо пеших, каждый из которых охотно выдал бы себя за одного из проводников, если бы я не определил их более подходящим названием — людей, желавших воспользоваться защитой нашего общества. Некоторые из этих лиц отстали; поднявшись на придорожный холм, чтобы отыскать их взглядом, мы заметили далеко слева группу всадников, появление которой внесло некоторое смятение среди наших друзей. Отчасти желая дождаться отставших, отчасти чтобы выяснить, кто были незнакомцы, мы остановились, а один из проводников во весь опор направился к ним. В подозрительные трубы мы уже разглядели, что их было человек двенадцать или четырнадцать, частью на верблюдах, частью пешком, вооружённых тремя копьями и несколькими ружьями; когда наш разведчик отделился от нас, они находились примерно в полутора милях. Мы видели, как он подъехал к незнакомцам, затем расстался с ними и двинулся обратно к нам, тогда как они продолжали свой путь. К этому времени отставшие нагнали нас; поскольку другая группа удалялась, явно не желая встречи, наши герои, и персы и арабы, сочли это самым подходящим случаем выказать чрезвычайную отвагу. Они клялись, что незнакомцы для них не больше пыли под ногами и что они разгонят их, как ветер разгоняет эту пыль. Когда посланный возвратился к нам и, как я полагал, вся эта вспышка героизма уже погасла, я с удивлением увидел, что оставшийся с нами проводник пришёл в совершенно неистовое возбуждение. Он швырнул на землю свою абу и головной платок, принялся топтать ногами, строя дикие гримасы, и одновременно закатывал длинные рукава рубахи до плеч, обнажая руки, и издавал странные нечленораздельные звуки. Очевидно, что-то было неладно, однако смятение оказалось столь велико, что мне лишь с трудом удалось докопаться до сути. Наконец выяснилось, что люди, которых мы всё ещё видели, принадлежали к племени шаммаров, или, вернее, джербоа, при- были Бог знает откуда и, по его словам, были его врагами. Они ограбили его, убили его родичей и совершили ещё неведомо какие злодеяния, и он клялся, что непременно должен погнаться за ними и всех перебить. Он продолжал подпоясываться для боя, осматривать фитильное ружьё и пороховницы, вынул из одной из них несколько пуль и закинул в рот, чтобы они были под рукой для скорой стрельбы, всё это время произнося самые отчаянные угрозы, на которые вторил ему товарищ, хотя, как мне показалось, с гораздо меньшим пылом и куда менее решительным видом.

Когда я спросил нашего арабского друга, сейида Хинди, что означает всё это безрассудство, достойный человек лишь пожал плечами и отнёсся к бахвальству с заслуженным презрением; но поскольку оно вызывало совершенно бесполезную и вредную задержку, я позволил себе вмешаться и велел переводчику передать проводникам, что, если они намерены так исполнять перед нами свои обязанности, мне придётся вернуться к их шейху и сообщить о поведении сопровождающих. Эти слова, подкреплённые надлежащим выражением неудовольствия, произвели желаемое действие; наш проводник расстался со своим воинственным пылом, опустил рукава, снова надел головной убор и абу и принялся объяснять и оправдывать своё поведение длинным перечнем причин вражды к шаммарам.

На самом деле, как вы, вероятно, уже подозреваете, он ни на мгновение не собирался с ними связываться. Всё это было представлением, рассчитанным на то, чтобы внушить нам устрашающее представление о его храбрости. Если бы чужаки выказали хоть какое-нибудь

намерение напасть на нас, он, вероятно, подобно прочим хвастунам, первым обратился бы в бегство. Этот случай привёл к разговору между арабами, содержание которого передал мне переводчик и который показывает, насколько важно казаться сильным и давать другим понять, что имеешь средства защитить себя. Они обсуждали наши шансы на успех, если бы нам пришлось схватиться с незнакомцами, и храбрец упорно утверждал, что мы непременно одержали бы верх. «Никакого сомнения, — сказал он, — мы наверняка ограбили бы их и забрали всё их добро. Они (тут он знаком указал на нас) перебили бы их всех до единого». «Откуда ты знаешь?» — спросил другой. «Да кто они такие, эти собаки, чтобы устоять перед ними, — последовал ответ, — разве ты когда-нибудь видел людей, вооружённых подобным образом? Разве ты когда-нибудь видел такую *атиши-хане*? (буквально «огненный дом», собрание огнестрельного оружия); у одного из них пистолет с четырьмя стволами, у другого — два двустольных пистолета и двустольное ружьё, которое никогда не промахивается; он бы застрелил каждого из них, как вчера подстрелил дикую утку» (мне посчастливилось изумить их, сбив на лету дикую утку). «Неужели ты думаешь, что он осмелился бы так сердиться на меня, если бы не знал собственной силы?» Другой согласился, и разговор на этом кончился; однако я вспомнил, что в тот момент, когда, казалось, между обеими группами ещё могла произойти стычка, этот самый проводник советовал мне никого не щадить и всадить пулю в каждого из этих людей: такое почтительное отношение было весьма полезно, и мы, разумеется, не видели причин его ослаблять.

Этот случай показывает истинный характер арабской храбрости в здешних местах: «Ех uno disce omnes» — по одному суди обо всех; они все одинаковы, хвастуны и большей частью трусы. Я вовсе не хочу утверждать, будто араб ни при каких обстоятельствах не подвергнет себя опасности; отнюдь нет. Когда кровь его достаточно разгорячится, он так же мало заботится об опасности и так же охотно рискует жизнью, как всякий другой человек; но при обычных обстоятельствах он не особенно склонен проливать ни собственную кровь, ни кровь противника. Ему недостаёт того спокойного, стойкого, действенного мужества, которое одушевляет правильно обученного европейского солдата или которое, хотя, быть может, несколько видоизменённое сложением и национальным характером, мы видим столь ярко проявляющимся в поведении наших дисциплинированных войск в Индии. Малейшая потеря обескураживает его, а самый незначительный признак решительного сопротивления заставляет отступить. Арабы страшны лишь тогда, когда обладают подавляющим численным превосходством, или когда доведены до отчаяния, подобно загнанному оленю. Дело в том, что араб, при всей своей горячности и сварливости, удерживается от пролития крови соплеменников (как я уже заметил) страхом последствий. Никто не желает вовлечь свою семью или племя во все тяготы кровной мести, да, вероятно, и не получил бы от них поддержки без достаточного повода. Таким образом, даже в самых незаконных состояниях общества мы находим ограничения, первоначально порождённые необходимостью и впоследствии утверждённые общим согласием, столь же обязательные для его членов, хотя, быть может, не столь совершенные по принципу, как более формальные постановления цивилизованных народов, что служит неопровержимым доказательством необходимости подобных правовых уз человеческой воле и страстям.

К концу этого дня у нас с доктором Россом случилось происшествие совсем иного рода, едва не закончившееся трагически для нас обоих. Наши лошади и лошади слуг были доведены до исступления близостью кобылиц, на которых ехали арабские проводники, и, словно юные щёголы человеческого рода, готовы были ссориться друг с другом из-за благосклонности дам, которым до них не было равно никакого дела. Среди прочих конь доктора и тот, на котором я ехал в этот день, вздумали обидеться друг на друга; когда я довольно неосторожно приблизился к первому, несмотря на повторные предупреждения, визг и фыркание с его стороны, тот внезапно попытался вцепиться зубами мне в бедро, но захватил лишь мою абу и брюки. Я резко повернул своего коня как раз в ту минуту, когда доктор потянул своего в ту же сторону, так что

голова моего оказалась возле бока другого; и мой конь отплатил ему, схватив доктора за ногу с такой силой, что стащил его с седла. Освободившись таким образом от сдерживавшего его всадника, животное бросилось на моего коня с зубами и копытами, с такой яростью размахивая передними ногами, что одного предназначенного мне удара было бы вполне достаточно, между тем как мой скакун, вопреки всем моим усилиям, отвечал на нападение с избытком. Когда я пытался повернуть его и таким образом освободиться, узда порвалась; видя себя теперь совершенно бессильным, я воспользовался тем, что конь поднялся на дыбы, и соскользнул сзади, надеясь откатиться подальше от схватки; но каким-то образом попал прямо под его задние ноги, и вот мы с доктором лежали, распростёртые под двумя лежащими, вздыбленными и кусающимися животными, образуя такую живописную группу для изображения битвы, какую только мог бы пожелать скульптор. Однако через мгновение или два животные, не обращая на нас внимания, бросились вдогонку за кобылицами, но, продолжая по пути хватать друг друга, оба повалились на землю, после чего конюхи сумели поймать и удержать их.

Тем временем я поднялся с земли, изумлённый тем, что остался невредим, и, оглянувшись, увидел, как поднимается доктор, по-видимому болезненно прихрамывая. Я испугался, что он должен быть страшно искалечен, ибо готов был поклясться, что по его телу пришлось не меньше полудюжины ударов копыт; но и он благодаря самому настоящему Провидению отделался сравнительно небольшими повреждениями. Зубы моего коня захватили и прорвали абут, халат, бриджи и нижние штаны, но до кожи не добрались. Одно из копыт, однако, ударило его по руке и голове, сильно ушибив один палец и нанеся по голове кривой удар, который мог бы иметь весьма серьёзные последствия, не будь она хорошо защищена арабским головным убором; однако феска, платок и прочее надёжно его предохранили, и, хотя в течение суток он испытывал боль и некоторое помрачение, происшествие не имело иных дурных последствий, кроме того, что правая рука оставалась бесполезной целую неделю. И всё же мы не могли не задуматься на мгновение о том, в каком положении оказались бы в этой обширной пустыне, далеко от всякой помощи, не имея даже капли воды, если бы один из нас получил тяжёлое увечье или если бы в схватке сломали руку либо ногу; однако путешественнику, как и солдату, не следует думать о подобных случайностях и предвосхищать их, кроме как признавая их неотъемлемой частью своего занятия; ему остаётся лишь уповать на Провидение, которое защищает тех, кто взывает к Нему искренне и правдиво, и не искушать опасность понапрасну. Итак, мы вновь сели на своих задиристых коней и продолжили путь, позаботившись, однако, о том, чтобы впредь держать их на почтительном расстоянии друг от друга.

Ещё за некоторое время до этого происшествия мы вступили в местность, совершенно лишённую травы, где лишь изредка, на больших расстояниях, встречались тамариск, куст каперсов или пучок солянки, а земля была изрезана глубокими бороздами, словно каналами, образованными отступившими водами ежегодного весеннего разлива или случайными зимними дождями. Слева мы видели дым, вероятно поднимавшийся от арабских палаток, но очень далёких и находившихся совершенно в стороне от нашего пути. Проводники говорили, что арабы есть и впереди, но никаких следов их присутствия мы не замечали. День клонился к концу, и незадолго до заката мы достигли нескольких луж, оставленных дождями; был созван совет, и мы решили, что для лошадей лучше остаться на ночь без корма даже после столь тяжёлого дневного труда, нежели гнать их дальше наугад, рискуя миновать лагеря и оказаться вынужденными ночевать в ещё худших обстоятельствах и в темноте. Здесь имелось также немного травы, которую могли пощипать наши мулы, но лошадей мы не решились отпустить на волю, будучи уверены, что они передерутся; поэтому мы расположились под защитой небольшого куста тамариска и привязали животных. Упомянутые лужи избавляли нас от жажды, зато защититься от приступов голода было куда труднее. У нас нашлось не более двух пригоршней риса и нескольких фиников, а весь отряд насчитывал семнадцать человек, не считая посторонних попутчиков. Для нас самих я приготовил похлёбку из сгущённого дорожного бульона,

загустив её пригоршней риса и щедро добавив лука и приправ, что вместе с хорошей порцией чая позволило нам отправиться спать не слишком голодными. Каждому слуге досталось по пятнадцать фиников, а из маленького мешка муки, заготовленного ещё в Багдаде для повара, сварили нечто вроде кашицы, давшей их желудкам хоть какую-то работу. Что касается арабов, то пост для них дело привычное; когда пища имеется, они пожирают её, словно изголодавшиеся волки, но день-другой без еды переносят не хуже любого североамериканского дикаря. Хуже всего пришлось лошадям; к счастью, слуга доктора Росса предусмотрительно запасся кормом для своих животных не на один день, а на два, и его распределили всем лошадям, выдав ровно по две пригоршни каждой, которыми и предстояло довольствоваться до утра. Поговаривали, что из русла реки или канала Хай, от которого мы находились, должно быть, недалеко, могут появиться львы и им, пожалуй, вздумается отведать нашей конины; но мы отнеслись к этим словам легкомысленно, а один из проводников заметил товарищу: «Толковать о львах людям, которые могут сбить летящую птицу пулей! Да что им за дело до диких зверей?» Милые простодушные души! Они и не подозревали, что этот подвиг был совершён дробью! Однако никакие львы не явились; мы легли отдыхать, вверившись защите, которая уже хранила нас посреди настоящих опасностей, и провели ночь благополучно и мирно.

Дневной переход не принёс почти ничего достойного нашего внимания. Утром мы миновали несколько древних городищ, и земля, как во время прежних переходов, повсюду была усеяна обломками кирпичей, керамики и стекла, свидетельствовавшими о том, что некогда она была обитаема; но по мере нашего движения к югу и приближения к местности, ежегодно затопляемой Хаем и другими реками, эти следы встречались всё реже и наконец исчезли вовсе; несомненно, всякие твёрдые и тяжёлые предметы погружаются в ил, образующийся после разливов.

Наше положение было далеко не таким приятным, чтобы склонять нас или наших людей к утренней праздности. Несмотря на голод, слугам приходилось поочерёдно бодрствовать, да и сон был почти невозможен от жестокого, жестокого холода. Как часто мы радовались случайной — ибо это была скорее она, нежели подлинная предусмотрительность, — благодаря которой мы взяли с собой дорожную маленькую палатку, оказавшуюся теперь таким утешением. Тонкая и лёгкая, не более шести футов шириной, девяти длиной и пяти высотой, пока внутри горел огонь, а на ковре дымился наш ужин, она всё же в некоторой степени отделяла нас от холодного воздуха и сохраняла вокруг нас собственный небольшой слой тепла. Но едва мы легли, а места хватало как раз на каждого из нас, челеби, холод проник сквозь все покрытия, какие только мы смогли найти, и мы едва смели повернуться, ибо при этом касались промёрзшей одежды вокруг. Поэтому утром, как только забрезжил рассвет, мы поднялись и навьючили животных. Палатка походила на маленькую снежную гору из-за покрывавшего её инея, а иссушающий ледяной ветер пробирал нас до мозга костей.

Теперь мы обнаружили, вернее догадались, что отклонились слишком далеко к востоку; поэтому сперва взяли курс на юго-юго-запад, а затем прямо на юг, чтобы обогнуть северный изгиб Хая. Около девяти часов утра мы разглядели на некотором расстоянии верблюдов и людей. При нашем приближении они пустились наутёк — на этот раз испугались они, а не мы; однако, поскольку мы вовсе не желали внушать страх, напротив, нуждались в помощи, их паника была нехотата. Поэтому мы послали одного всадника уверить их в наших мирных намерениях и вступить с ними в переговоры. Между тем справа появились ещё трое всадников, вооружённых копьями; немного покрасовавшись, они понеслись к нам во весь опор. Другой наш араб ринулся им навстречу: древки копий опустились тупыми концами на землю, и после нескольких секунд разговора мы с удовлетворением увидели, как предводитель незнакомцев и наш человек, наклонившись вперёд, обнялись, не слезая с лошадей. Теперь всякие опасения нападения исчезли, а надежды на гостеприимный приём, казалось, оправдывались приветствиями, с которыми незнакомцы приблизились к нам и присоединились к нашему отряду.

Однако надежды эти оказались довольно обманчивыми. Всадники, правда, поехали с нами к палаткам, уже видневшимся вдаль; но между нами и лагерем пролегал своего рода естественный канал, отчасти наполненный грязью и водой, и наши спутники объявили, что обитатели палаток — всего лишь бедняки, неспособные нас принять, предложив провести дальше, к жилищам более многочисленных и богатых семей племени. Как выяснилось, это была всего лишь уловка, чтобы заманить нас подальше от собственных домов; один за другим наши спутники незаметно исчезали, и в конце концов мы остались наедине со своими проводниками. Тем временем мы видели, что земля по ту сторону водотока была совершенно усеяна чёрными палатками и скотом, тогда как с нашей стороны не виднелось ни одной. Вода к тому же стала настолько глубокой, что преодолеть её вброд можно было лишь с трудом; осознав, что первые встречные попросту нас провели, мы остановились напротив самой большой видневшейся группы палаток и решили отправить одного из проводников на другую сторону договариваться о нашем приёме.

Было очевидно, что нас опасаются или подозревают, возможно, наш отряд был слишком велик, чтобы какое-либо отдельное семейство племени решилось его принять; поэтому проводнику поручили уверить местных жителей не только в добрых намерениях, но и в нашей возможности и готовности возместить хозяевам расходы либо непосредственной покупкой необходимого, либо подарком, равным по стоимости тому, что мы потребуем. Продажа пищи путешественнику совершенно противоречит законам арабского гостеприимства, однако обмен подарками допускается. И вот после довольно продолжительных переговоров, вызванных, боюсь, более недоверием, нежели деликатностью, удалось преодолеть затруднения арабского этикета и арабской алчности, и мы перебрались через канал, имевший здесь двадцать пять или тридцать ярдов в ширину и доходивший лошадям до груди. Нашим вьючным животным, однако, пришлось вернуться почти на две мили назад, чтобы добраться до брода, доступного для них. Вот вам ещё одно свидетельство арабского гостеприимства и верности проводников своему делу.

Теперь мы получили ячмень для наших бедных лошадей, а менее чем через час перед нами и слугами поставили обильное угощение из горячего хлеба и фиников, политых растопленным маслом, ибо арабы не делают различия между господином и слугой. Все уселись за одну трапезу — поступок, столь противный представлениям моих персов, что они никак не могли с ним примириться. Отдохнув два часа, мы вновь отправились в путь; но в самое мгновение отъезда обнаружили, что пропало ружьё одного из моих слуг. Всё наше оружие было сложено кучей позади места, где мы сидели. Я сам видел его там в полном составе, так что в краже не могло быть сомнения; однако обитатели палатки все отрицали свою вину с самыми горячими уверениями и видом глубокого негодования по поводу оскорбительного предположения, будто они способны на такое нарушение гостеприимства. Наши слуги, однако, настаивали на обвинении, а проводники, чьей обязанностью было оберегать нашу собственность, вмешались весьма решительно, заявив, что мы — люди, направляющиеся с подарками к шейху мунтефиков (а эти арабы были его райятами, или данниками), и что он сурово взыщет за любую потерю, причинённую нам их руками. Но и это их не поколебало. Они протестовали, проводники становились всё буйнее, а мои слуги кричали и начали угрожать некоторым мужчинам, которые схватились за свои большие палки, в то время как женщины принялись визжать и галдеть, словно стоя чаек перед бурей. Между тем наш старый хозяин куда-то исчез; но как раз тогда, когда дело принимало серьёзный оборот, он выехал из-за одной из палаток верхом на кобылице, держа в руке пропавшее оружие, которое, по его словам, он нашёл позади палатки, где мы завтракали. Продолжать обвинения в краже не имело смысла. Ружьё было возвращено, а самая лучшая проповедь против нарушения заповеди оказалась бы напрасной перед людьми, для которых воровство стало ремеслом. Поэтому мы поблагодарили старика словами «Барик-аллах!» за его хлопоты и приняли его услуги как проводника к лагерю, где предполагали про-

вести ночь; однако услуги эти оказались столь же ненадёжны, сколь лицемерно было его гостеприимство, ибо он оставил нас как раз тогда, когда мы достигли весьма затруднительного места, и больше мы его не видели.

Путь наш шёл вдоль канала, через который мы только что переправились и который, как мы поняли, должны были пересечь вновь, чтобы добраться до палаток бени-руффейе, стоявших ниже по его берегам. Через час езды мы оказались напротив них; но канал нельзя было перейти вброд, и единственной возможностью переправы служил келлек, который перетягивали канатом с берега на берег. Нашим животным и поклаже это не подходило, по крайней мере без большой потери времени; проводники растерялись, и между ними и арабами на противоположном берегу завязалась долгая беседа, сопровождавшаяся рёвом и криками через канал. В результате решено было вовсе не переправляться и не заходить к бени-руффейе, а придерживаться левого берега; я этому не огорчился, поскольку руффейе имеют довольно дурную славу и не признают власти мунтефиков, так что в их стране мы оказались бы всецело в их руках. Однако столь явное невежество наших проводников несколько пугало, тем более что арабская добросовестность в исполнении обязанностей проводника уже показала себя ненадёжной тростинкой, на которую опасно опираться. Поэтому я довольно резко высказался об их неспособности исполнять взятую на себя обязанность; то ли эти слова задели их самолюбие, то ли они приобрели уверенность из какого-то неизвестного мне источника, но внезапно приняли самоуверенный вид и стали клясться, что прекрасно знают здешнюю местность, что впереди много арабов бени-рикаб («сынов стремени», племя нашего прежнего хозяина), у которых мы проведём ночь и будем жить по-царски.

Множество овец и верблюдов, появлявшихся по мере нашего продвижения, подтверждало их слова; и действительно, около трёх часов мы достигли группы палаток, населённых арабами-земледельцами — бедняками, впрочем, способными снабдить нас необходимым, — которые, получив уверения насчёт вознаграждения, охотно нас приняли. В тот вечер мы даже вынуждены были поручить приготовление обеда одной из их женщин, поскольку наш повар заболел или находился в дурном расположении духа; и она изготвила настоящее арабское варево — плов, а скорее размазню из итири, разновидности крупного проса, разваренного вместе с частью тощего козлёнка, которого я велел купить главным образом для слуг, чтобы возместить им голод предыдущей ночи. Досаднее всего в этих арабах то, что они никогда не могут оказать услугу, не вызвав у того, кому её оказывают, отвращения и не уничтожив её достоинств какой-нибудь отвратительной и грязной попыткой. Наши хозяева в эту ночь действительно держались настолько хорошо, насколько могли, и я приготовил для них щедрый подарок; однако, к счастью, у меня вошло в правило не выдавать подобных наград, пока не выяснится, что всё в порядке, и мы не соберёмся уходить. На этот раз утром 6 января, после того как багаж был уложен и навьючен, внезапно исчезло пальто одного из слуг, которое он положил в сторону, пока подавал нам кофе. Поднялась тревога, и вчерашняя сцена повторилась во всех подробностях. Наши сторожа разразились криками и угрозами, а я объявил, что, если пальто немедленно не вернут, я заберу три лучшие абы в лагере и, пожалуй, для примера сожгу одну или две палатки. Это была пустая угроза, но она возымела действие: едва мы взяли первую абу, как пальто обнаружилось под грудой хвороста, куда его, как уверяли, «по ошибке положил кто-то из детей». Дело в том, что склонность к мелкому воровству у этих оседлых арабов столь же непреодолима, как любовь к открытому грабежу у бедуинов. И ту и другую можно побороть лишь страхом перед превосходящей силой. Подобные попытки обворовать путешественников предпринимаются обыкновенно в суматохе отъезда. Они ничем не рискуют, поскольку разоблачение не вызывает стыда, а какое-нибудь простодушное оправдание или уловка, как в рассказанных случаях, всегда найдётся, чтобы снять с себя вину, тогда как шанс на удачу неизменно стоит того, чтобы им воспользоваться. Я прочёл им бесполезную лекцию о глупости и нечестности их поведения, противопоставляя его тому, как намеревался поступить с ними сам,

и подкрепил нравоучение щедрым даром, за который получил от старого грешника, нашего хозяина, поцелуй руки; вероятно, едва я отъехал на расстояние, с которого уже ничего не мог слышать, вслед за этим последовало проклятие за то, что я не дал ему больше.

Здесь я тщетно старался раздобыть проводника из местных жителей, поскольку мы слышали, что впереди нас ожидают заболоченные пространства, и опасались последствий блуждания; но наши проводники и слышать об этом не хотели и даже помешали тем, кто согласился бы нас сопровождать, присоединиться к отряду. Правда, они заставили старого хозяина проехать с нами около двух миль, чтобы указать направление; после этого им оставалось надеяться на сведения, получаемые от встречаемых людей. Характер страны до некоторой степени оправдывал их, ибо она была сравнительно населённой и возделанной, то есть здесь и там стояли группы арабских палаток, а значительные пространства земли были уже засеяны либо приготовлены к посеву. Но какое же приготовление! Какая обработка земли! Что сказал бы об этом земледелец из Норфолка или Лотиана? Возделанные участки располагались главным образом в так называемых хорах, то есть низменных болотистых местах, периодически затопляемых по краям постоянных болот, средняя часть которых покрыта водой и тростником. Как правило, они лишены растительности и, когда вода сходит, представляют собой влажную поверхность из глины или суглинка, всю пересечённую трещинами. На эту почву рассыпают семена без всякой предварительной земледельческой работы. Большую часть подбирают птицы, но попавшие в трещины укореняются и дают большие пучки стеблей, обеспечивающие обильный урожай. В некоторых местах, где поверхность оказывается слишком целой, чтобы такой скорый способ внушал надежду на успех, а также на возвышенных частях хоров, почву едва царапают кривой палкой, которую тащат два быка и которая заменяет плуг, — едва ли кому доводилось видеть орудие проще и примитивнее. Оно оставляет бороздку глубиной около двух дюймов, какую садовник провёл бы обыкновенными граблями с крупными зубьями. Такие царапины проводят примерно в девяти дюймах друг от друга, оставляя всю остальную поверхность нетронутой, а если на ней растут сорняки, то и они остаются на месте. Я видел большие поля, обработанные таким образом, где верблюжья колючка и хлеб святого Иоанна стояли столь же высокими и густыми, как до работы, хотя поля уже были засеяны ячменём, и притом они неизменно дают чрезвычайно богатый урожай. Чего нельзя было бы достигнуть при разумном хозяйствовании на такой земле! Зерно сеют в декабре и январе, а урожай созревает и убирается к апрелю, прежде чем земля снова оказывается под водой; более того, всходы растут так быстро, что в течение по крайней мере месяца на них пускают крупный и мелкий скот, чтобы тот объедал зелень, и только затем оставляют растения выгонять колос. Эта операция, вероятно, увеличивает число стеблей в кусте, ибо говорят, что обыкновенно из каждого семени вырастает от пятнадцати до сорока стеблей, вследствие чего земля оказывается вся покрытой зеленью ещё до созревания.

По этим болотам мы несколько часов пробирались кружным и весьма извилистым путём, пока наконец, пересекши необычную гряду песчаных холмиков, тянувшуюся поперёк нашего направления, не спустились в очень большой хор, вовсе не возделанный, но покрытый тростником и пучками высокой грубой травы, значительная часть которой уже была выжжена, чтобы содействовать раннему появлению молодой пастбищной зелени. Дым этих пожаров виднелся со всех сторон. Для людей, не знакомых с местностью, он способен не только обмануть надежды, но и создать опасность, ибо его принимают за дым близлежащих арабских стоянок. В самом деле, ничто так не обманывает глаз относительно расстояния, как дым днём или огонь ночью. Можно видеть дым, до которого три дня пути, а по мере приближения всё кажется, будто он совсем рядом. Люди, знакомые с этой обманчивостью, определяют близость дыма по тому, различимо ли его клубящееся движение вверх.

Хор, до которого мы теперь добрались, был отведён исключительно под выпас буйволов — животных, обожающих грязь и воду и содержащихся здесь громадными стадами особой

породой арабов, хорошо известной по берегам реки под именем маданов. Они ведут оседлый образ жизни, не кочуя подобно другим арабам; существуют за счёт своих буйволов, которые вместе с немногими овцами и коровами составляют всё их имущество, и живут в хижинах из расщеплённого тростника вместе с животными, обеспечивающими их пропитание и которых они сами едва превосходят умственными способностями. Именно из-за всем известной грубости и жестокости их обычаев другие арабские племена называют их «маданами», то есть невежественными, от двух арабских слов, означающих «не мудрый». Они также пользуются славой самых закоренелых воров во всей стране и, вероятно, ничуть не уступают соседям в искусстве мелкого воровства; но сказать, что они их превосходят, значит, подозреваю я, зайти слишком далеко и допустить грубую несправедливость по отношению к нации в целом, ибо, признаюсь, при всей их дикости и грубости я не заметил столь уж большой разницы между ними и другими племенами.

Вначале они встретили нас довольно угрюмо, но после нескольких пояснений всё пошло вполне гладко. Они не претендовали на то, чтобы угощать нас, равно как и мы не намеревались считать себя их гостями; зато они предоставили необходимое по довольно сносным ценам и помогли нам достать воду, дрова и прочее; кроме того, они поручились за сохранность нашего скота, обязавшись сами стеречь его, с тем условием, что эту услугу учтут в подарке, который они получают при нашем отъезде.

Что касается самих маданов и их жилищ, то они, несомненно, представляли любопытное зрелище. Последние напоминали большие клетки из тростника, расщеплённого наподобие ротанговых прутьев, совершенно не защищавшие от непогоды, причём мне показалось, что самые большие из них не превышали восьми или десяти футов в длину и шести или восьми в ширину. О разделении помещений для мужчин и женщин здесь, по-видимому, даже не помышляли: молодые буйволы тоже распоряжались этими хрупкими постройками как своими собственными, и я даже не уверен, что взрослым животным вовсе запрещалось в них входить. Каждая хижина была окружена небольшим пространством, ограждённым плетнём из расщеплённого тростника и стенками из хвороста, служившего одновременно защитой и топливом. В самом деле, издали почти ничего нельзя было различить, кроме груд хвороста и колючек высотой до семи футов; и даже неприятелю было бы нелегко безнаказанно справиться с подобной защитой, если бы ему запретили пользоваться огнём. Одна искра, однако, казалось бы, должна была превратить всё в пламя, и удивительно, что подобные несчастья не происходят чаще, ибо внутри оград и между ними каждое утро и каждый вечер горит множество костров из того же самого материала.

Любопытно было смотреть, как огромные стада этих громадных буйволов вечером возвращались домой и каждый без всякого понукания или принуждения направлялся прямо к хижине своего хозяина, и вы можете представить, в каком виде оказывались хижины и ограды благодаря таким жильцам. Действительно, вся равнина вокруг лагеря находилась в состоянии грязи и нечистоты, не уступавшем навозным кучам на фермерском дворе у нас дома. Люди, выходявшие из этих логовищ мерзости при нашем приближении, имели, несомненно, настолько жалкий и низкий облик, какой только можно вообразить. Многие взрослые едва были одеты, множество детей бегало совершенно нагими, а что касается их матерей, то мне поистине недостаёт слов, чтобы передать их свирепый вид. И всё же мне удалось расположить к себе одну из этих медведиц, подарив несколько медных монет двум её медвежатам, которые поначалу с криком убежали от меня, и я действительно думаю, что этот весьма скромный дар немало содействовал нашему последующему доброму приёму, ибо женщина живо принялась доставать молоко и другие припасы, и я слышал, как быстро и много она болтала о нас с мужчинами; однако это навлекло на меня целое полчище просителей о таких же милостях, которые поднимали своих голых кричащих детёнышей, стараясь привлечь моё внимание и получить долю моих монет.

О мужчинах, однако, должен сказать, что многие из них имели не меньше оснований претендовать на пристойный внешний вид, чем арабы небольших лагерей и племён, встречавшихся нам прежде, особенно среди феллахов, или земледельческих племён.

Неудивительно, что эти дикари, никогда не видевшие чужестранцев нашего облика, были чрезвычайно поражены оружием и принадлежностями, которые мы им показывали; но несколько любопытно было обнаружить, что наибольшее восхищение вызвали мой альбом и карандаш, вынутые, чтобы зарисовать некоторые их необычные фигуры, вероятно, потому, что они с удивительной быстротой до некоторой степени поняли назначение этих предметов; и когда они его поняли, было поистине забавно видеть, как они сперва подходили, желая, чтобы я написал их портреты, а затем, словно кокетливые дети, прятали лица и убегали либо толкали вперёд своих приятелей, подставляя их, как они, по-видимому, полагали, под какую-то неприятность. Чтобы довершить их изумление, я достал одну из своих прометеевых спичек и зажёл её ударом ножа о рукоять пистолета. Они тесно окружали меня, но этот подвиг заставил их мгновенно разбежаться, а существо, оказавшееся прямо напротив вспышки пламени, отшатнулось, словно в него выстрелили; затем все снова бросились вперёд и принялись смотреть на ярко горевшую бумагу так, будто она воспламенилась чудесным образом.

Не должен забыть упомянуть, что сегодня мы миновали несколько значительных древних городищ, отмеченных обычными холмами из обломков кирпичей, стекла и глиняной посуды, а на некотором расстоянии — очень большие и обширные остатки места, называемого арабами Йоха, или Джоха; кроме того, неподалёку от лагеря находились ещё несколько развалин, казавшиеся под каким-нибудь незначительным названием, которые, по преданию, все принадлежали одному большому древнему городу, а некоторые другие имели явно магометанское происхождение. Мы видели холмы Сункеры, расположенные приблизительно к юго-западу от нас. Говорили, что Ворха (древняя Орхоэ, о которой речь пойдёт впоследствии) лежит к северо-западу, примерно в одном дне пути.

7 января. Мы поднялись и уже сидели верхом в половине восьмого, успев перед тем позавтракать. Местные жители теснились вокруг нас, пока мы ели, окружив нас, как выразился один из моих людей, «словно оправа охватывает драгоценный камень», и спокойно приняли мой подарок, не выказывая ни особенного удовольствия, ни недовольства. Путь шёл на юго-юго-запад через болота, и после двух часов езды мы столкнулись с препятствием, доставившим столько затруднений и задержек, что оно едва не заставило нас вовсе отказаться от движения в этом направлении. Это был водоток шириной около тридцати или сорока ярдов и, по виду, весьма глубокий, известный местным жителям под именем Шатт-эль-Кар; нам сообщили, что он берёт начало в местности приблизительно в двух днях пути на северо-запад и впадает в болота, питаемые рекой Хай. Позднее мы узнали, что он сообщается даже с Евфратом, вероятно близ Семавы, и что в прежние времена по нему проходили торговые лодки. Теперь он оказался для нас серьёзным камнем преткновения, ибо ни одной лодки раздобыть не удалось, а в том месте, где мы к нему подошли, он был слишком глубок для брода. Некоторое время мы двигались вдоль его берега под руководством двух арабов-маданов, чьи услуги наши упрямые проводники на этот раз, убедившись в собственном невежестве, снизили принять, пока не достигли места, которое те объявили пригодным для переправы; но когда один из арабов, раздевшись для этого догола, испытал брод, оказалось, что вода доходит ему до подмышек и, следовательно, слишком глубока для навьюченных мулов. Арабы объяснили неудачу внезапным подъёмом воды в реках, о котором они не знали, поскольку всего два дня назад, уверяли они нас, вода не доходила им и до колен. К тому же уровень быстро повышался, в чём мы сами могли убедиться, стоя на берегу.

Было ясно, что нельзя терять ни минуты; но что, в конце концов, нам оставалось делать и как переправить поклажу? С этим вопросом мы обратились к проводникам. «Эти двое перенесут её на головах», — последовал ответ; однако ни они сами, ни маданы не сделали ни одного

шага, чтобы приступить к делу. Потом, как водится, началось долгое и шумное совещание и ещё одна попытка переправиться верхом, чтобы выяснить, можно ли перевезти багаж на лошадях; но опыт показал лишь то, что даже у самого высокого моего туркменского коня спина не оставалась сухой, и мы вновь оказались в тупике. Само по себе препятствие было не столь грозным, сколь опасение, что, принимая во внимание характер страны, это может оказаться лишь первым в целой цепи подобных и ещё менее преодолимых препятствий; однако проводники уверяли нас, что это самое трудное из всего, с чем придётся столкнуться до переправы через сам Евфрат, и я велел им не терять времени, послать за людьми в ближайшую деревню маданов и нанять столько работников, сколько потребуется, чтобы без промедления переправить весь багаж. Предложение платы произвело волшебное действие: «Ого! — воскликнули проводники. — Если дело за платой, бисмиллах! Мы сами готовы и рады работать и мигом переправим вещи!» И тотчас двое наших проводников, двое маданов и ещё двое из нашего общества разделись догола, схватили поклажу и принялись переходить воду вброд, неся вещи на головах; но в холодный день занятие оказалось столь неприятным, что двое добровольцев отказались продолжать уже после двух переходов, а остальные скоро выбились из сил, ибо нам пришлось разделить все большие тюки на мелкие свёртки, достаточно лёгкие для переноски, и таким же способом перевезти каждое седло и каждое вьючное седло с двадцати лошадей и мулов нашего отряда, так что я уже думал, что дело никогда не кончится, и действительно, все работники прекратили работу, когда на берегу ещё оставалось семь вьюков. Однако некоторыми увещеваниями и известной твёрдостью нам удалось довести неприятное предприятие до конца, и наконец я увидел на противоположном берегу всё наше имущество. Крайне счастливо, что день был сравнительно тёплым по отношению к предыдущим, ибо будь иначе, не думаю, чтобы переправа нам вообще удалась. Что до нас самих, то, несмотря на холод, нам также пришлось раздеться до рубашек, чтобы иметь возможность при необходимости пуститься вплавь, и рискнуть искупаться вместе с лошадьми; однако и мы добрались без происшествий и через два с половиной часа имели удовольствие возобновить путь, наградив на месте всех наших водоносов-перевозчиков за труды.

Мы снова направились через хоры, быстро наполнявшиеся водой от подъёма только что пересечённой реки; но наконец достигли песчаной гряды, по которой довольно долго ехали с удобством. Около двух часов мы миновали лагерь арабского племени уль-дур, но наши проводники твёрдо вознамерились остановиться у другого племени, называемого бени-осман («дети Османа»), с которым мы тоже повстречались, однако слишком рано для ночлега; поэтому мне с некоторым трудом удалось уговорить их двигаться дальше в надежде достигнуть Евфрата и договориться о переправе на следующее утро.

Вся здешняя страна была покрыта овечьими стадами и прочим скотом арабов, палатки которых стояли разбросанными группами по две или три; при каждом маленьком лагере нам приходилось вступать в новую борьбу с проводниками, думавшими только о том, как обеспечить себе хороший ужин, получить который, если мы продолжим таким образом двигаться дальше, они уже начинали отчаиваться. Наконец около заката мы вновь были вынуждены укрыться среди небольшой группы хижин маданов, расположенных на высоком берегу, между речным руслом с одной стороны и большим хором с другой, к величайшему неудовольствию наших арабских спутников, которые знали, что у этих людей нельзя ничего получить без денег, тогда как среди других племён им обеспечены были обильный ужин для себя и вдоволь корма для лошадей даром.

Этот обычай жить на чужой счёт, непонятный арабам-маданам, приводит к тому, что приближения бедуинов, или кочевых арабов, сильно опасаются, и нам не без труда удалось добиться, чтобы обитатели хижин нас впустили или хотя бы ответили; однако, поскольку проводники, сопровождавшие нас на предыдущем этапе, были маданами, они дали о нас столь хороший отзыв, что мы получили всяческую помощь и всё необходимое за деньги. Чтобы вер-

нуть доброе расположение нашим собственным проводникам, я распорядился предоставить им за мой счёт достаточное количество всех припасов, и дела снова пошли гладко. Правда, мяса достать было невозможно, ибо у жителей не было овец. Мне предлагали телёнка приблизительно годовалого возраста, которого можно было купить за три шиллинга и восемь пенсов, но употребить его в пищу у нас не было возможности.

8 января. Утро выдалось туманным и холодным; вспышки молний на востоке минувшей ночью предвещали дождь или снег в персидских горах, и дурные намерения погоды, по-видимому, грозили сегодня обрушиться на нас хорошим ливнем. Однако небо прояснилось, когда мы приступили к серьёзному делу переправы через Евфрат, на берегу которого теперь стоял наш лагерь. Здесь река была шире, чем в большинстве других мест, хотя её ширина неровно менялась из-за заводей и водоворотов: местами она раздавалась до ста пятидесяти ярдов, а затем сжимала течение вдвое уже. Накануне вечером мы условились с хозяином, что он предоставит лодку для перевоза поклажи; лошадям же поневоле предстояло испытать счастье вплавь; однако первоначально предложенное нам судёнышко было всего лишь маленьким челноком, совершенно не годившимся для работы, и нам не хватило бы целого дня, чтобы переправить на нём один только багаж. Но волшебное слово «бакшиш» (подарок) добыло обещание большего судна; мы проследовали с хозяином несколько миль вниз по реке и обрадовались, увидев порядочную лодку, спрятанную в заводи, соединявшей реку с хором. Лодка была изготовлена из довольно грубого плетения, прибитого к нескольким более прочным брускам, и снаружи обмазана слоем битума толщиной около двух дюймов; однако она вмещала двадцать человек и быстро доставила наши вещи на противоположный берег. Переправа лошадей была делом куда более тревожным, ибо ни одна из моих не привыкла к воде, и когда их принуждали входить в реку, они пятились и вставали на дыбы, словно необъезженные жеребья. В подобных случаях поступают так: загоняют в воду столько лошадей, сколько лодка способна буксировать через реку. В лодке садится по одному человеку на каждую лошадь, чтобы поддерживать её голову над водой; затем все вместе отчаливают, и лошади, потеряв дно, принимаются плыть и, если держат верное направление, скорее помогают движению лодки к противоположному берегу, чем мешают ему. Вся операция требует большой ловкости, поскольку, если не заставить всех лошадей двигаться одновременно и охотно входить в воду, лодка не сможет отчалить, а остальные будут впустую брыкаться и барахтаться. С другой стороны, если одна или несколько лошадей, оказавшись на плаву, возьмут неверное направление, почти наверняка они потянут лодку вниз по течению или обратно к берегу, и если лодочники и люди, придерживающие лошадей, не сохраняют полного самообладания, лодка может перевернуться, а лошади запутаться, задохнуться и утонуть. Далее, когда все благополучно окажутся на воде, правильное удерживание головы животного требует немалого искусства, ибо, если поднять её слишком высоко, лошадь не сможет плыть и иногда переворачивается, ломая себе шею, а если держать слишком низко, она может наглотаться воды и при долгой переправе задохнуться, не достигнув суши.

Если мне удалось дать вам представление о предприятии, которым мы теперь занимались, вы поймёте, что оно было довольно тревожным, а мои лошади, казалось, вознамерились заставить меня ощутить всю его тяжесть. Они брыкались, вставали на дыбы, ныряли и стремились куда угодно, только не в нужную сторону. Дважды, когда лодка уже достигала середины русла, они разворачивали её и тащили обратно, а несколько раз мне казалось, что копытами они проломают ей борт. Однако терпение и настойчивость, как это обыкновенно бывает, возторжествовали; арабы оказались особенно полезны в этом деле, и после трёх часов тяжёлой борьбы мы с удовлетворением увидели всё, одушевлённое и неодушевлённое, целым и невредимым на противоположном берегу, без потерь и повреждений.

Около половины первого, навьючив ещё мокрых животных, мы направились почти прямо на юг по доброй твёрдой земле, усеянной кустами тамариска, к небольшому лагерю бедных арабов, расположившихся на равнине, голой как моя ладонь. Это было в стороне от истинного

направления, однако нам объяснили, что такой обход необходим, дабы миновать большой хор, лежащий между нами и Арджой, или Аррией, тростниковой деревней, которая должна была стать местом нашей ночёвки. С самой переправы через реку мы замечали громадное скопление холмов с высокими развалинами, явно сложенными из кирпича, на вершине самого большого из них, и остановка в этом лагере дала нам возможность осмотреть их, которой иначе у нас не было бы. Итак, удостоверившись, что наши люди расположились возле группы арабских палаток и что всё идёт к получению необходимых припасов, мы галопом отправились осматривать развалины.

Они оказались приблизительно в трёх милях от лагеря, арабы называли их Ум-Гайер или Мугайер, и в целом это был один из самых любопытных памятников древности, какие мне доводилось видеть в этой стране. Он представлял собой большое здание четырёхугольной формы, сложенное из обожжённого в печи кирпича и выступавшее из холма мусора, несомненно образованного обломками самого строения; и у меня нет сомнений, что если удалить весь нанос, остатки здания окажутся поднимающимися из него от самой поверхности равнины. Стороны этого сооружения, имевшего форму продолговатого прямоугольника, были обращены к главным сторонам света и поднимались двумя отчётливыми ярусами на высоту не менее восьмидесяти футов над уровнем земли. Восточная и западная стороны были длиннее. Я отмерил шагами западную и северную стороны: первая вместе с обломками имела восемьдесят семь шагов. Северная сторона собственно здания, по моему подсчёту, составляла сорок семь шагов. Доктор Росс сделал то же самое, стараясь мерить исключительно прямоугольник самого строения, насколько мог определить его границы. Его шаги были очень велики, и он насчитал пятьдесят девять шагов по западной стороне и тридцать девять по северной, что, вероятно, соответствует шестидесяти и сорока ярдам. Эти цифры несколько расходятся с моими измерениями, но точности при столь беглом осмотре ожидать не приходится, и необходимо учитывать разницу не только в длине шагов, но и в суждениях, поскольку нижняя часть стен совершенно скрыта от глаз.

По своему строению эта масса в целом напоминала Бирс, но здесь не было той превосходной кирпичной кладки, которая столь замечательна в тамошней башне. Однако, подобно Бирсу, сооружение, по-видимому, было сложено сплошными четырёхугольными массивами, несколько отделёнными друг от друга и пронизанными маленькими отверстиями, назначение которых непонятно. Кирпичи, из которых оно построено, грубее и мягче, чем в центральной части Бирса; многие несут оттиски клинообразных знаков, встречающихся в постройках древнего Вавилона, а в большинстве мест кирпичи соединены толстыми слоями битума, сохранившего отпечатки плетёного тростника, который, несомненно, также прокладывали между ними. Кладка, хотя и уступающая кладке Бирса или Касра, всё же очень хороша и во многих местах прекрасно сохранилась, поскольку арабы, по-видимому, не извлекали отсюда кирпичей, как это происходило в Вавилоне. На вершине я заметил круглое отверстие диаметром около десяти футов, теперь заполненное обломками, но, возможно, уходящее в глубину здания. Не было никаких признаков разделения внутреннего пространства на комнаты и вообще чего-либо, указывающего на то, что строение предназначалось для использования или обитания людьми. Разделение на ярусы, расположенные один над другим и уменьшающиеся в размерах, подобно индийской пагоде, яснее всего различалось с северной и западной сторон, тогда как две остальные были гораздо более разрушены; но даже в первых кирпичи, открытые взгляду, были так разбиты и разъедены временем и непогодой, что невозможно было с уверенностью решить, относятся ли они к первоначальной внешней облицовке, а это ещё увеличивает неопределённость измерений. С вершины мы различили следы кирпичной стены, которая, по-видимому, образовывала ограду вокруг сооружения. Фундамент её был не слишком толст, а северная сторона составляла сто восемнадцать шагов доктора Росса, то есть не менее ста двадцати ярдов. Видны были лишь три угла, но близ юго-восточного находился довольно большой конический

холм, напоминавший развалины бастиона. Однако я отнюдь не убеждён, что эта стена была построена одновременно с главным зданием. Кажущееся несоответствие их размеров и прочности, по моему мнению, указывает на более позднее и гораздо менее древнее происхождение стены; к тому же рядом виднелись остатки сооружений из упавших кирпичей, очевидно современных.

Что касается самого строения, то всё в нём и вокруг него указывает на то, что оно относится к той же эпохе и воздвигнуто с той же целью, что и Бирс близ Вавилона. Кирпичи с клинообразными письменами, битумный раствор и тростник, погребальные сосуды, несколько разбитых экземпляров которых выступали из окружающих холмов, и обломки того же хорошо известного характера — всё это не оставляет сомнения относительно времени его сооружения. Стоит заметить, что мы встретили здесь мало стекла или вовсе его не видели, зато кремня, гальки, кусочков агата и тому подобного, равно как и обломков старой меди, было в изобилии. Не было здесь и сплавленных огнём кирпичных масс, столь замечательных в Бирсе, хотя остеклованного шлака, подобного отходам кирпичной печи, имелось столько же, сколько и повсюду.

Для чего могли служить и с какой целью воздвигались эти могучие сооружения, которых в здешних странах, несомненно, существует гораздо больше, чем нам до сих пор известно, я предоставляю решать учёным исследователям древностей. Лично у меня почти нет сомнений, что все они, включая Бирс, были храмами для поклонения тогдашним богам. Если Бирс действительно является тем знаменитым храмом, который воздвиг Навуходоносор, который описан в Священном Писании и который древние историки называют храмом Бела, то едва ли можно сомневаться, что все остальные сооружения предназначались для той же цели; весьма вероятно также, что здания, первоначально бывшие халдейскими храмами, впоследствии посвящались огнепоклонству Зороастра, которое является лишь видоизменением древней сабейской религии, исповедовавшейся халдеями. Именно такое поверье и предание существует в стране относительно нескольких этих сооружений, а одно из них, находящееся близ Хумайни на Тигре и нами не виденное, местные жители называют Баб-эн-Нар, или «Врата огня».

Страна вокруг этого здания усеяна холмами, отмечающими древнее городище, особенно к юго-востоку; однако осмотреть их мы не успели, поскольку солнце уже почти село, да и они не представляли ничего более интересного, чем десятки развалин, виденных нами прежде, а один беглый взгляд не мог дать полезных результатов, поэтому мы повернули коней и галопом вернулись к лагерю.

Я забыл упомянуть, что вокруг здания мы заметили несколько больших обломков плотного чёрного камня, похожего на тот, из которого сделан хорошо известный лев из Касра в Вавилоне; судя по округлой полировке некоторых частей, они, по-видимому, принадлежали какой-то колоссальной статуе. Хорошо известно, что первые магометанские завоеватели разбивали или обезображивали всякое встреченное изображение человека либо животного, и этому обычаю следовали их преемники более поздних времён; этим можно объяснить редкость подобных произведений искусства в этой и большинстве магометанских стран.

Вернувшись к своим людям, мы обнаружили, что поселились среди таких жалких негодяев, каких нам ещё не встречалось. Они вправе презирать маданов сколько угодно, но сами эти люди, хотя и настоящие мунтефики, были ничуть не менее дикими и невежественными, чем те, и даже наполовину не столь учтивыми и гостеприимными. Они не делали даже вида, будто собираются проявлять гостеприимство, но продавали всё, что мы у них брали, по самым непомерным ценам и даже за такие деньги не могли обеспечить нас всем необходимым. Даже женщины настолько хорошо понимали цену денег и настолько завышали стоимость того, что могли за них предложить, что мне не удалось купить некоторые древние вещи и цилиндры, выставленные на продажу, хотя я предлагал за них вчетверо больше их цены.

9 января. После вчерашнего дождя наступило холодное морозное утро, и когда в четверть восьмого мы сели верхом, земля белела от инея. Наш путь на юго-восток был направлен так, что ветер дул нам в спины, а солнце светило в лица, и вскоре мы приятно согрелись. Несколько часов пути сперва по равнине с начисто выщипанной травой, затем через сухой хор вновь привели нас к реке, напротив тростниковых домов и чёрных палаток большого становища арабов-мунтефиков. Всякий, кто слышал или читал о здешних странах, должен знать, что мунтефики — одно из самых больших и могущественных племён этой части Аравии. Первоначально оно состояло из двух основных родов — аджвад и бени-малик, которые оба, в свою очередь, происходят от весьма древнего племени захтан, чьи летние кочевья, по-видимому, почти совпадали с землями современного племени, простираясь от Гуррафа до Васита в Нижней Халдее по левую сторону и от Семавы до Сук-эш-Шуюха по правому берегу Евфрата. Вражда между этими двумя ветвями, вызванная главным образом спором о пастбищах, привела к кровавой катастрофе в Вадии-эн-Ниса, или Долине женщин, о которой я рассказывал вам в другом письме. Около двухсот лет после хиджры аджвады были подчинены соперниками и поставлены в вассальную зависимость, после чего соединились с ними, и тогда племя впервые приняло название «мунтефик», то есть «объединённые».

Долгое время мунтефики черпали денежные средства исключительно из доходов от собственных земель, но около 1744 года получили право господства и взимания податей с небольшой области выше и ниже Сук-эш-Шуюха, уплачивая при этом установленную сумму в султанскую казну. Однако один из их шейхов, Саадун, счёл нужным отказаться от уплаты этой дани и двинулся во враждебном намерении на Басру. Он был застигнут врасплох Сулейманом, офицером-мамлюком паши, прозванным Абу-Лейла, или «Сын Ночи», за быстроту передвижений, его войско было истреблено, а он сам убит; на поле битвы из голов погибших были сложены минареты. Но победитель проявил великодушие к семье побеждённого, и мунтефики снова подняли головы из бездны несчастья. Пользуясь беспорядками в пашалыке и угрозами со стороны соседних государств, шейхи мунтефиков, особенно шейх Хамид-эт-Тамир, сумели чрезвычайно усилить свою власть и присвоили всю страну от устья Шатт-эль-Араба до Семавы, отражая неоднократные попытки сменявших друг друга пашей вернуть утраченные владения. Наконец покойный паша Дауд посредством интриг побудил Аджию, племянника Хамида, восстать против дяди и возвёл его в звание вождя племени. Ему удалось также захватить самого Хамида и его брата Хашида, чем он ещё раз сокрушил могущество мунтефиков и привёл их к сравнительному повиновению, в котором они остаются до сих пор. Они по-прежнему занимают берега реки от Семавы до Басры, простираясь к югу и западу далеко в пустыню, от Шагры до долины Хараир, лежащей западнее Семавы, и так далее, владея также всей землёй между Хаем и Курной и некоторыми областями западнее первого. Точные сведения о нынешней численности племени и зависимых от него родов получить трудно, поскольку ревность или невежество порождают столь противоречивые сообщения, что доверять услышанному невозможно. Однако имеются веские основания считать, что они насчитывают не менее двадцати или тридцати тысяч семейств. По обязательствам перед правительством в случае необходимости они должны выставять двенадцать тысяч всадников, чего никогда не делают, и говорят, что без особого труда они смогли бы собрать почти вдвое больше.

Со времени падения Дауда-пашы они вновь приобрели такое влияние на слабое багдадское правительство, что снова завладели лучшими и плодороднейшими областями страны, ничего за них не платя; однако эти приобретения быстро вызывают неизбежные последствия подобного обладания: новые хозяева обнаруживают, что вынуждены жить на своих землях и охранять их, а значит, делают первый шаг от кочевого образа жизни к оседлому, от чисто скотоводческого народа к земледельческому. Вместо того чтобы переходить с места на место, мунтефики теперь собираются и подолгу остаются внутри указанных мной границ, обычно близ рек, возделывая обширные пространства и насаждая по берегам финиковые рощи. Тем

не менее арабское предубеждение против оседлой жизни ещё столь сильно, что только самые низшие и наименее уважаемые ветви или отдельные члены племени снисходят до положения феллахов, то есть земледельцев, работающих собственными руками; остальные продолжают жить в палатках, перемещаясь по ограниченному пространству и отправляя свои стада пастись на обширных землях, при нынешних обстоятельствах непригодных для обработки, но в древности подобных саду.

И всё же эти гордые кочевники, настоящие владельцы земли, презирая труд собственными руками, не только снисходят до пользования удобствами, доставляемыми земледелием, но и выжимают их из крепостных до последней степени. Они заставляют феллахов тяжело работать на себя, либо каждый мелкий шейх или глава семейства отдаёт земледельцам в аренду выделенные ему участки земли, выжимая возможно более высокую плату и требуя всяких дополнительных выгод, какие только удастся получить, тогда как сам странствует в своё удовольствие, наслаждаясь любимым праздным существованием. Следствием всего этого рано или поздно должна стать полная перемена нравов и положения этих арабов. Со временем они непременно превратятся целиком и полностью в земледельцев. Управление пашалыком не может вечно оставаться таким слабым, бессильным и вместе с тем деспотическим, как сейчас. Либо оно улучшится, либо страна перейдёт в другие руки, которые заставят мунтефиков и прочих арабов покинуть незаконно захваченные владения или стать настоящими подданными, признающими верховную власть и платящими надлежащую дань за землю, которую им позволяют сохранить. Они будут уже слишком привязаны к приобретённым удобствам, чтобы отказать от них ради жизни, от которой постепенно отходили; борьба или жертва должна разрешить этот вопрос, и они превратятся в мирных земледельцев и фермеров.

В сущности, даже если бы турецкая система управления осталась совершенно неизменной, подобный исход всё равно был бы необходим. Неджд, как называют внутреннюю Аравию, кишит другими племенами, столь же сильными, как мунтефики, но ещё не изнеженными, подобно им, сравнительными удобствами и отвыканием от деятельной борьбы. Когда-нибудь эти племена хлынут из своих пустынь, как некогда скифские орды хлынули на цивилизованную Европу или как совсем недавно в этих местах поступили джербоа и анейза, и, стеснив племена Евфрата, вынудят их сосредоточиться на землях, пригодных к обработке, рассчитывая на помощь правительства для их удержания, тогда как отдалённые пастбища попадут в руки новых пришельцев. Такие сменявшие друг друга волны действительно появлялись постоянно и подтверждают доводы разума и аналогии свидетельством опыта и примеров прошлого; однако это печальная и удручающая перспектива, жалкая участь для прекраснейшей части Средней Азии, и, несомненно, следует горячо и искренне надеяться, что вскоре произойдёт какой-нибудь благотворный переворот, возвращающий благоденствие Месопотамии и Халдее и заставляющий сад этого древнего рая вновь расцвести.

Теперь нам предстояло увидеть часть мунтефиков на одной из ступеней этого переходного состояния. Восточный берег реки на многие и многие мили был покрыт небольшими домами из расщеплённого тростника, совсем как у маданов, но большими по размеру и построенными тщательнее, с оградами из того же материала. Многие из этих домов были воздвигнуты действительно со вкусом, имели длинные сводчатые крыши и нечто вроде башенки по углам, что придавало им вид маленьких готических церквей. Способ постройки довольно прост. Берут высокие тростниковые стебли, достигающие, быть может, пятнадцати или двадцати футов, связывают их пучками с помощью гибких прутьев или верёвок, сплетённых из того же тростника, и втыкают в землю, словно столбы, двумя рядами на должном расстоянии друг от друга; затем тонкие концы сгибают, пока не встретятся концы противоположных пучков каждого ряда, после чего связывают их другими, более тонкими связками, укладываемыми вдоль постройки и привязываемыми к каждому столбу и к крыше. Этот каркас с боков и сверху покрывают циновками из того же расщеплённого тростника, украшенными аккуратным

решётчатым плетением, сообразно фантазии и умению мастера. Можно было бы подумать, что столь лёгкие постройки плохо способны противостоять бурям и дождям; однако мне говорили, что они справляются с этим весьма успешно, и уж во всяком случае удобнее палаток. Но какое притворство — предпочитать эти хлипкие сооружения более прочным глинобитным хижинам и домам, в которых живут деревенские крестьяне! И всё лишь потому, что первые будто бы временные и, следовательно, означают меньшее отступление от скитальческих привычек настоящего бедуина. Среди тростниковых хижин я, правда, видел несколько домов из глины, но мне объяснили, что это лишь амбары, принадлежащие шейхам и некоторым торговцам, где хранят вещи на случай пожара, — ещё один признак приближающейся оседлости, которым не следует пренебрегать в общей картине.

В этом месте, называемом Куте, или «крепость», по развалинам старого укрепления поблизости, и Шуюх, поскольку здесь жили шейхи, собралась большая часть ближайшего рода и родственников шейха Иссы, вождя племени, и здесь же обитали его дяди, братья и двоюродные и более дальние родственники — все величаемые шейхами по учтивости, числом, как мне говорили, сто сорок или сто пятьдесят. Каждый из них получает земельный участок большего или меньшего размера соответственно положению и благосклонности к нему, который либо обрабатывает за собственный счёт, либо сдаёт феллахам. Доходами от него они живут и содержат, кроме собственных семейств, множество приверженцев, каждый из которых имеет ещё какое-то имущество в виде овец и другого скота.

Главную статью расходов арабского вождя составляет, собственно, ежедневное потребление пищи. Большинство из них, по мере своих средств, устраивают вечернюю трапезу для людей, особенно привязанных к их особе, и, сколько бы кушаний ни ставили на стол, никогда не бывает недостатка во ртах, готовых их съесть. Так, покойный шейх Аджиль, по рассказам, ежедневно резал для стола от двенадцати до четырнадцати овец, а расходы риса и прочей пищи были соответствующими. Кроме того, если у него бывал гость, которого он желал особенно почтить, он по обыкновению закалывал к пиру верблюда.

Нынешний шейх не столь щедр, и у меня есть основания подозревать, что эти пышные рассказы об обильных пиршествах значительно преувеличены; однако некоторые подобные расходы совершенно необходимы для сохранения популярности арабского вождя, и каждый из мелких шейхов по мере возможности старается не отставать от старших. Что касается остальных их расходов, они немногочисленны и незначительны. В отличие от турок они не расточают больших сумм на одежду и украшения своих женщин. Даже жён шейхов можно видеть в простой синей или клетчатой материи, усердно занятых варкой обеда или выпечкой хлеба к вечерней трапезе, с головами, обёрнутыми двумя или тремя хлопчатобумажными либо шёлковыми платками; а что до украшений, то большая золотая филигранная пуговица в носу, несколько монет и бус, нанизанных на шею и вплетённых в волосы, быть может, грубые серьги, серебряные браслеты на руках и ногах да ещё какие-нибудь недорогие безделушки, насколько я смог выяснить, исчерпывают всю совокупность драгоценностей арабской дамы.

На самих себя они тратят не больше. Меховой кюрк, или куртка, более тонкий шёлковый либо алый суконный халат, лучшая аба или головной убор с небольшим золотым шитьём — вот и всё, что отличает их от зависимых людей. Они держат соколов и борзых, но расходы на этих животных должны быть ничтожны; что же касается лошадей, вернее кобылиц, поскольку других они почти никогда не седлают, то они приносят немалую прибыль, ибо всё мужское потомство продают, удовлетворяя спрос соседних стран. С кобылицами они расстаются крайне редко, и вовсе не будет преувеличением сказать, что любимую кобылицу они ценят гораздо выше самой любимой жены: одну, если она утрачена, можно заменить, а другую — нет, и некоторые из ожесточённейших межплеменных распрей у арабов возникли вследствие кражи кобылицы.

Когда мы приблизились к этому временному городу, который, как мы узнали, всего через несколько дней должны были оставить ради новой стоянки, нам с некоторым трудом удалось раздобыть лодку, и мы послали человека на другую сторону уведомить шейха о нашем прибытии и выяснить, как нам действовать дальше. Вскоре нам передали то, о чём уже ходили слухи: шейх Исса отсутствовал, поскольку вместе с группой соплеменников занимался починкой *суда*, или плотины, которая удерживает воды Евфрата от разлива по стране; однако на следующий день его ожидали в Сук-эш-Шуюхе, поэтому нам следовало немедленно отправиться туда для встречи с ним, а пока назначенный человек готов был снабдить нас всем необходимым.

Чтобы объяснить это довольно необычное занятие шейхов, должен сообщить вам, что среди условий землевладения, на которых мунтефики обладают Шамиеком, или западным берегом Евфрата, имеется обязанность постоянно содержать в достаточной исправности дамбы от Семавы до Басры по обоим берегам, сдерживающие воды реки и не позволяющие им разливаться и опустошать страну; и поскольку от этих дамб зависит сохранность их собственных посевов, в течение нескольких лет они исполняли эту обязанность. Однако великое наводнение 1830–1831 годов не только подняло воду выше дамб, но и унесло большую часть дамб, так что земля за речным берегом вплоть до Басры превратилась в болото; и этот город, прежде славившийся здоровым климатом, с тех пор стал столь же известен болезнями из-за испарений, поднимающихся от стоячих вод. Ради собственных интересов племя постепенно восстанавливает эти плотины, но, как я полагаю, делает это весьма неудовлетворительно, вследствие чего они постоянно повреждаются. Починкой одной из них близ Курны шейх Исса и занимался уже некоторое время; что же касается его возвращения, то мы настолько привыкли к арабской лживости и негостеприимству, что подозревали, будто слух о его скором возвращении был сочинён шейхом Бандером, его братом и заместителем, лишь затем, чтобы отослать нас прочь и избавиться от расходов по нашему содержанию; однако делать было нечего: нас направили в Сук-эш-Шуюх, где, как уверяли, для нас приготовят дом и всё необходимое, и мы снова навьючили животных, уже привязанных в финиковой роще, и направились верхом в Сук-эш-Шуюх.

ПИСЬМО V.

Сук-эш-Шуюх. — Его базары. — Трудности с поиском жилья. — Торговля в городе. — Персидский приятель. — Способ кормить гостей за чужой счёт. — Торговля и её влияние. — Один примечательный человек. — Вымогательство. — Шатёр шейха. — Собрание и внешний вид присутствующих. — Его беседа и кофе. — Он оставляет нас в затруднении. — Мы лишаемся спутника. — Красоты Сук-эш-Шуюха. — Мы следуем за шейхом в Кут. — Размышления о нашем обратном пути. — Цена обещаний шейха. — Второе свидание с его высочеством. — Происходившее на нём. — Подарок шейха. — Мы начинаем обратный путь. — Двоюродный брат шейха. — Судьба подарков его высочества.

Город, или, вернее, большая деревня Сук-эш-Шуюх, название которой означает «Рынок шейхов», поскольку здесь находится главный торговый центр страны мунтафиков, расположен всего в двух часах пути, или приблизительно в восьми милях, вниз по реке от Кута. Берега на всём протяжении нашего пути и далеко за его пределами были окаймлены финиковыми рощами, большей частью приходившими в запустение, и представляли почти непрерывную череду развалин стен прежних деревень, среди которых встречалось несколько квадратных оград из сырцовой глины, заключавших в себе хижины арабов-феллахов. Земля была изрезана грубыми водоотводными канавами, заменившими великолепную древнюю оросительную систему и весьма досаждающими путнику. Как мне говорили, весь берег Евфрата, нередко по обеим сторонам, от Семавы до Басры, обнаруживает такие свидетельства былой густоты населения и возделанности земли попеременно с неуклюжими, жалкими попытками феллахов-мунтафиков, а среди них во множестве разбросаны деревушки из тростника и арабские стоянки. Какой страной стала бы эта земля при разумном и прочном правлении!

Сам Сук-эш-Шуюх представляет собой довольно большой город, окружённый стеной, где некогда проживало, вероятно, шесть или семь сотен семейств. Издали он выглядит довольно опрятным и привлекательным, утопая в густых финиковых рощах, между которыми его дома представляются с выгодной стороны; но при ближайшем рассмотрении обман обнаруживается. Он почти целиком состоит из разрушенных домов, среди которых лишь немногие ещё обитаемые приютили уцелевших после чумы, недавно опустошившей Багдад и не пощадившей мунтафиков. Из всех человеческих поселений, которые я видел, это, по моему убеждению, самое грязное и отвратительное. Пройти по его улицам, ничем не запачкавшись, было почти невозможно; а зловоние мясных лавок делало приближение к ним непосильным для цивилизованного носа. Базар был довольно обширен, но торговых лавок на нём было немного. В большинстве лавок продавались предметы, предназначенные исключительно для арабов: копья, кинжалы, мечи и щиты, сёдла, абы, верёвки для палаток и тому подобное. Бакалейщиков и торговцев снадобьями было множество: в изобилии встречались головы белого сахара, кофе и грубые пряности, равно как обычный коричневый сахар из Индии, финики, мыло и прочее, и прочее; но я напрасно искал фарфоровую или глиняную чашку взамен наших разбитых чайных чашек; и, что ещё удивительнее, во всём городе нельзя было достать ни одного горшка для приготовления пищи, ни глиняного, ни медного.

Когда мы приблизились к этому торговому центру, пробравшись через целую вереницу зловонных луж, проводник, присланный нам шейхом Бундером, приказал остановиться, пока он не подыщет нам пристанище. Сначала, по-видимому, его поиски не имели успеха, ибо вскоре он снова появился из ворот в сопровождении нескольких арабов в тюрбанах, похожих на турок, и между ними завязался чрезвычайно громкий разговор с множеством жестов, совершенно по-арабски. В результате нас повели не в город, а во двор, огороженный тростниковым забором, где стоял тростниковый дом, причём всё находилось в столь скотском состоянии, что мы тотчас покинули это место в негодовании и предложили разбить лагерь снаружи. Но это, полагаю, не соответствовало ни их представлениям о гостеприимстве, ни полученным приказаниям; они решительно воспротивились нашему намерению и повели нас, словно вереницу диких гусей, в город. Однако и там поиски, казалось, не увенчались успехом, и мы простояли ещё четверть часа, разглядывая окружающих и служа предметом их любопытства, пока кому-то из нас не пришло в голову спросить, нет ли здесь караван-сарая. Эта мысль поразила всех как блестящая, и нас поспешно повели в караван-сарай; но увы их добрым намерениям, какое же это оказалось место! Длинный тёмный проход, вдоль которого располагались ещё более тёмные каморки, большей частью занятые купцами, сидевшими в них целыми днями. Нам предложили освободить одну такую каморку; но с тем же успехом мы могли расположиться посреди самого базара, и потому решили, будь что будет, воспользоваться собственной палаткой и установить её в самом подходящем месте, какое удастся найти.

Увидев нашу решимость, они попросили следовать за ними к месту, которое называли наилучшим, и мы со всеми пожитками покорно поплелись за нашими предводителями вокруг всего города, к берегу реки, где увидели довольно любопытное использование земли. Повсюду возвышались предметы, похожие на большие кучи циновок, шести-семи футов высотой и пятнадцатидвадцати футов шириной. Как нам объяснили, это были главным образом склады товаров: сахара, фиников, зерна и прочего, выгруженных с лодок, торговавших между этим городом и Басрой. Некоторые из них служили жилищами — лачугами, в которых люди временно обитали, теснясь вместе во время торговых дел. Имелись также навесы и огороженные места, где продавали и складывали тростник и прочий товар; а у самого берега, до верхнего края которого почти поднялась вода, стояли четырнадцать или пятнадцать больших лодок, недавно прибывших из Басры или собиравшихся обратно с грузом местных продуктов. Торговля здесь действительно весьма значительна; удивительно, какое количество сахара, кофе, лекарственных товаров, индиго и всяческих индийских изделий поднимается вверх по

Евфрату, несмотря на опасности и поборы; многие товары, в том числе хна, индиго, сахар и другие, доходят даже до Дамаска. Здесь и в самом деле ощущалось некоторое оживление. Одной из важнейших статей басрийской торговли являются финики, и продавались они по весьма низкой цене. Их упаковывали в мешки, а вернее в циновки, каждая из которых вмещала, по моему разумению, около ста фунтов, и продавали по шиллингу — шиллингу и трём пенсам за штуку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.